

Д. И. Тихомировъ.

О реформѣ духовной школы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

О реформѣ духовной школы.

Вопросъ о реформѣ духовной школы сдѣлался въ послѣднее время предметомъ оживленнаго обмѣна мыслей въ періодической печати. Статьи по этому предмету встрѣчаются не только въ духовной, но и въ свѣтской печати. По всему этому можно судить, насколько важное значеніе имѣетъ реформа этой школы и насколько настоятельная ощущается въ ней нужда.

Появленіе въ печати статей и замѣтокъ по этому вопросу можетъ только содѣйствовать разностороннему его выясненію, выдвигая въ немъ частности, которыя могли бы иначе остаться безъ соотвѣтственнаго къ нимъ вниманія, и точки зрѣнія, которымъ въ той или иной части общества придается значеніе. Живое дѣло, чтобы быть успѣшнымъ, требуетъ сообразованія его со всѣми обстоятельствами, среди которыхъ оно осуществляется.

Поэтому мы находимъ небезполезнымъ остановиться на высказанныхъ до сего времени въ періодической печати по вопросу о реформѣ духовной школы сужденіяхъ, свести ихъ въ итоги и намѣтить вытекающіе изъ нихъ выводы, чтобы тѣмъ оказать содѣйствіе выясненію этого дѣйствительно важнаго для церковной и общественной жизни вопроса.

I.

Недостатки духовной школы.

Слышатся съ разныхъ сторонъ жалобы, что духовная школа, имѣющая прямымъ своимъ назначеніемъ „приготовленіе юношества къ служенію православной Церкви“ (§ 1 уст. дух. сем.), не удовлетворяетъ этой своей основной задачѣ въ должной степени. „Всѣ теперь глубоко сознаютъ ненормальность нашей духовной школы, пишетъ одинъ изъ

ректоровъ духовныхъ семинарій: она не удовлетворяетъ своему назначенію—готовить пастырей церкви—ни въ количественномъ, ни тѣмъ болѣе въ качественномъ отношеніи“, не давая „ихъ въ должномъ количествѣ и съ должнымъ для дѣла настроеніемъ“¹⁾. „Наши православныя епархіи, говоритъ Е. С. по тому же предмету, въ прежнее время почти не испытывали недостатка въ кандидатахъ священства съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Въ настоящее время во многихъ епархіяхъ священническія вакансіи уже приходится наполовину замѣщать діаконами, кончившими курсъ лишь въ духовномъ училищѣ, второклассной школѣ, или же уволенными изъ низшихъ классовъ семинаріи. При этомъ быть разборчивыми, особенно по отношенію кончившихъ курсъ семинаріи, епископамъ не приходится. Если пойдетъ въ такомъ направленіи дальше, то православной Церкви угрожаетъ грозный призракъ оскудѣнія надлежащимъ образомъ подготовленнаго къ своему высокому и отвѣтственному служенію сѣщенства“²⁾. О томъ же „ненормальномъ отношеніи“ духовной семинаріи „къ цѣли, которой она призвана служить“³⁾, согласно свидѣтельству и всѣ вообще авторы, касавшіеся въ періодической печати въ послѣднее время вопроса о положеніи духовной школы, и обратнаго этому свидѣтельства не приходилось нигдѣ встрѣтить.

И при этомъ не только отмѣчается несоотвѣтствіе постановки духовной школы тѣмъ задачамъ, которыя являются основными для нея: слышатся сѣтованія и на упадокъ вообще религіозности между питомцами духовной школы. „Религіозно-нравственный уровень воспитанниковъ семинаріи, этихъ кандидатовъ священства, говоритъ Е. С.,—понижается все болѣе и болѣе“⁴⁾. „Посмотрите на студентовъ университетовъ, пишетъ одинъ священникъ въ открытомъ письмѣ ректору семинаріи. Самые антирелигіозно настроенные студенты—обязательно бывшіе семинаристы. Личность семинариста Ракитина въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, вовсе не утрированная, наглядно показываетъ, на-

1) Чего желать для нашей духовной школы. Ректора духовной семинаріи. „С.-Петербург. Вѣдомости“ 1905 г., № 63.

2) Къ реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Е. С. „Прав.-Русск. Слово“, 1905 г., № 12, стр. 113.

3) Духовная школа и желательная ея реформа. П. В. С. «Орловск. Епарх. Вѣд.», 1905 г., № 35, стр. 903.

4) «Прав.-Русск. Слово», № 12, стр. 113.

эколько антирелигіозно и антиморально дѣйствуетъ“ то „воспитаніе, которое даютъ наши духовныя семинаріи съ настоящей постановкой дѣла“¹⁾). Неудивительно послѣ этого, что питомцы духовной школы, для которыхъ „самый идеалъ пастыря Церкви представляется въ чертахъ смутныхъ и неопредѣленныхъ“, „бѣгутъ отъ пастырства, не чувствуя къ этого рода служенію никакого серьезнаго влеченія и расположенія, и избираютъ себѣ другія жизненныя профессіи: идутъ въ акцизъ, въ ветеринары, въ военное вѣдомство и т. п. Принимающіе же священство дѣлаютъ это или въ силу семейныхъ традицій, или потому, что не имѣютъ возможности по какимъ-нибудь причинамъ найти себѣ иной родъ службы. Въ рѣдкихъ случаяхъ это дѣлается по искреннему влеченію сердца“²⁾).

Сужденія рѣшительныя и обвиненія серьезныя. Было бы существенно важно фактическое обслѣдованіе этого вопроса, по крайней мѣрѣ въ той части его, которая поддается такому внѣшнему обслѣдованію. Что воспитанники духовныхъ семинарій уходятъ, на примѣръ, въ свѣтскія учебныя заведенія, это, конечно, фактъ, въ общемъ своемъ видѣ не подлежащій сомнѣнію. Но было бы важно знать, въ какой мѣрѣ велико это уклоненіе питомцевъ духовной школы отъ поступленія на служеніе православной Церкви: чрезмѣрно ли оно по количеству, или же колеблется въ предѣлахъ умѣренныхъ и для крайнихъ выводовъ особыхъ оснований не даетъ. Мы не располагаемъ достаточно полнымъ по этому вопросу статистическимъ матеріаломъ. А изъ того, что намъ извѣстно, находимъ неизлишнимъ привести здѣсь слѣдующее. Изъ 7 духовныхъ семинарій, относительно которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, по статистическимъ даннымъ за послѣднія 5—10 лѣтъ оказывается, что изъ числа окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій поступили на служеніе православной Церкви въ томъ или иномъ видѣ дѣятельности (или прямо въ священно- и церковно-служительскихъ должностяхъ, или въ должностяхъ по учебнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, куда причислены также и поступившіе въ духовныя академіи для продолженія образованія) въ двухъ семинаріяхъ (Т—й и О—й) по 60⁰/₁₀₀ общаго числа окончившихъ курсъ,

1) «Омск. Епарх. Вѣдомости» 1904 г., № 22, стр. 39.

2) Духовныя семинаріи, какъ питомники православнаго пастырства. С. В. К. «Прав.-Русск. Слово» 1905 г., № 11, стр. 24—25.

въ остальныхъ пяти—46⁰/₁₀₀ (Ч—й), 74⁰/₁₀₀ (С—й), 75⁰/₁₀₀ (С—й), 84⁰/₁₀₀ (П—й) и 85⁰/₁₀₀ (Д—й), и слѣдовательно, число избравшихъ путь жизни не тотъ, къ которому готовила ихъ школа, было: въ двухъ случаяхъ по 40⁰/₁₀₀, въ остальныхъ—54⁰/₁₀₀, 26⁰/₁₀₀, 25⁰/₁₀₀, 16⁰/₁₀₀ и 15⁰/₁₀₀. Относительно двухъ первыхъ случаевъ (по 40⁰/₁₀₀) слѣдуетъ замѣтить, что одна изъ имѣющихся здѣсь въ виду семинарій—окраинная, находящаяся въ особыхъ условіяхъ жизни, другая—изъ числа центральныхъ; епархія, гдѣ болѣе всего уклонялась (до 54⁰/₁₀₀) отъ поступленія на епархіальную службу, также относится къ числу внутреннихъ епархій Россіи.

Такимъ образомъ, если принять эти цифры, число выбывающихъ изъ духовнаго вѣдомства по окончаніи курса духовной семинаріи, обычно колеблется отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ общаго числа оканчивающихъ курсъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ оно бываетъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего состава окончившихъ курсъ. Цифры—значительныя. Большею частію окончившіе курсъ въ указанныхъ семинаріяхъ поступали въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, число каковыхъ колеблется по тѣмъ же семинаріямъ отъ 12⁰/₁₀₀ до 25⁰/₁₀₀ общаго числа оканчивавшихъ курсъ.

Относительно того, насколько удовлетворялась комплектомъ окончивавшихъ курсъ въ семинаріяхъ потребность въ правоспособныхъ лицахъ для замѣщенія священническихъ вакансій въ тѣхъ же епархіяхъ, мы имѣемъ слѣдующія статистическія данныя за тѣ же послѣднія 5—10 лѣтъ. Въ окраинной епархіи, находящейся въ особыхъ условіяхъ жизни, не смотря на 40⁰/₁₀₀ выбывавшихъ изъ духовнаго вѣдомства питомцевъ духовной семинаріи, до 70⁰/₁₀₀ праздныхъ священническихъ мѣстъ замѣщалось неправоспособными лицами, въ лучшемъ случаѣ уволенными изъ разныхъ классовъ духовной семинаріи или окончившими курсъ только духовнаго училища, но иногда съ еще меньшимъ образовательнымъ цензомъ, до не учившихся нигдѣ включительно, или учившихся въ народномъ только училищѣ. Въ коренной же русской епархіи, гдѣ также выбывало на сторону до 40⁰/₁₀₀ изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи, недостатка въ правоспособныхъ кандидатахъ для замѣщенія священническихъ вакансій обычно не имѣлось. Но въ другой коренной русской епархіи, гдѣ половина оканчивавшихъ курсъ избирала для себя другой путь жизни—въ духовнаго вѣдомства, до 37⁰/₁₀₀ праздныхъ священническихъ мѣстъ замѣща-

лось лицами, не получившими надлежащаго богословскаго образованія, приче́мъ еще до 30—40 приходо́въ обычно имѣлось всегда въ епархіи безъ священниковъ. Изъ остальныхъ епархіи—въ трехъ (С—й, П—й и Д—й) замѣщалось неправоспособными лицами отъ 24% до 27% общаго числа праздныхъ священническихъ мѣсть; объ одной же епархіи точныхъ свѣдѣній у себя по этому предмету не имѣемъ.

Такимъ образомъ недостатокъ правоспособныхъ лицъ для замѣщенія священническихъ вакансій въ приходахъ составляетъ печальный фактъ нашей церковной жизни, и размѣры этого явленія, какъ видно изъ приведенныхъ выше статистическихъ данныхъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ довольно значительны.

Судить о внутреннемъ настроеніи лицъ, принимающихъ священство, нелегко, и еще труднѣе дѣлать сравнительныя сопоставленія. Сѣтованія на современное духовенство приходится слышать часто; но, чтобы основательно судить по этому предмету, требовалось бы отдѣлать, что слѣдуетъ отнести къ упадку пастырской настроенности въ духовенствѣ, если такой упадокъ дѣйствительно имѣется, и что объясняется измѣненіемъ условій пастырской дѣятельности въ послѣднее время по сравненію съ прежнимъ временемъ. Теперь жизнь стала сложнѣе, требованій къ общественному дѣятелю, каковымъ является каждый священникъ, представляется значительно больше, и вопросъ еще, на какой высотѣ оказались бы достоинства пастыря прежняго времени, если бы они прошли черезъ горнило современной жизни.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого высказывается и такое сужденіе, что со времени послѣдней духовно-учебной реформы въ 1884 г. „никакого упадка пастырскаго духа въ духовенствѣ (а также и упадка семинарій) не приключилось: что было, а было плохо, то и осталось, хуже не стало“¹⁾. Тяжелую все же картину эту мы скорѣе склонны были бы смягчить: и прошлое окажется не такъ нехорошо, если мы будемъ измѣрять его мѣркою того же времени, и настоящее можетъ представиться нѣсколько въ иномъ видѣ, если примемъ во вниманіе, что прежде болѣе или менѣе сносное и даже удовлетворительное оказывается въ настоящее время значительно худшимъ только потому,

¹⁾ Къ вопросу о постановкѣ обученія и воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ. Ректора Иркутской дух. сем., архим. Никона. Иркутскъ, 1905 г. стр. 57.

что не соотвѣтствуетъ условіямъ и потребностямъ нынѣшняго времени. Быть можетъ, въ этомъ несоотвѣтствіи одного другому и заключается главная причина и объясненіе указываемыхъ съ разныхъ сторонъ недочетовъ и вытекающихъ отсюда сѣтованій. Говоримъ это не для ослабленія значенія имѣющихся недостатковъ, а только для выясненія ихъ характера.

Все же, такимъ образомъ, остается фактомъ, признаваемымъ всѣми, что современная духовная школа своему назначенію не удовлетворяетъ или, по крайней мѣрѣ, „не вполне удовлетворяетъ“ „въ настоящемъ своемъ видѣ“, какъ точнѣе можно было бы выразить эту мысль, слѣдуя одному изъ авторовъ, касавшихся этого вопроса ¹⁾.

Какія причины этого?

„Пастырство наше губится двойственностію цѣли семинарскаго образованія, говоритъ одинъ изъ ректоровъ духовныхъ семинарій. Въ настоящее время духовныя семинаріи служатъ двумъ цѣлямъ“: онѣ и къ пастырству готовятъ, и общее образование даютъ. „Соединеніе двухъ задачъ сихъ невозможно: отъ этого соединенія и происходятъ всѣ дефекты семинарій, ихъ внутренней и внѣшней жизни, весь „недостатокъ“, а не „упадокъ“, пастырскаго духа въ нашемъ духовенствѣ“ ²⁾. „Погоня въ образованіи“ за двумя этими задачами,—говоритъ о томъ же другой авторъ, „не приводитъ къ желанной цѣли“, и въ этомъ заключается главный недостатокъ семинарскаго образованія ³⁾. Е. С. въ статьѣ своей „Къ реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній“ также въ числѣ причинъ „разложенія нашихъ семинарій“ указываетъ „смѣшеніе въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи двухъ, не всегда согласныхъ, цѣлей—средняго общаго образованія и подготовленія къ священству. Понятно, продолжаетъ онъ, къ лицамъ, вынужденнымъ искать образованія въ семинаріи и смотрящимъ на семинарію, какъ на переходный этапный пунктъ на свѣтскую дорогу, не могутъ быть примѣнимы во всей строгости тѣ требованія церковно-православнаго порядка, какія должны примѣняться собственно къ лицамъ, специально

¹⁾ Духовныя семинаріи, какъ питомники православнаго пастырства. „Прав.-Русск. Слово“, 1905 г., № 11, стр. 21.

²⁾ Къ вопросу о пост. обуч. и восп. въ дух. сем., арх. Никона, стр. 8.

³⁾ «Орловск. Епарх. Вѣд.» 1905 г. №, 35, стр. 915, въ статьѣ П. В. С.: „Духовная школа и желательная ея реформа“.

готовящимъ себя къ служенію Церкви Христовой. Непримѣненіе этихъ требованій ко всѣмъ семинаристамъ понижаетъ церковно-нравственное настроеніе будущихъ служителей Церкви. Наоборотъ, общее примѣненіе этихъ требованій ко всѣмъ вызываетъ въ лицахъ первой категоріи лицемѣріе и ненависть не только къ нимъ, но даже иногда и къ самой религіи“¹⁾). Ненормальность проникающей духовную школу двойственности цѣлей образованія признаетъ и „Церковный Вѣстникъ“ въ помѣщавшихся въ немъ статьяхъ по этому предмету, находя необходимымъ раздѣльное ихъ осуществленіе²⁾).

Другая существенно-важная причина недостатковъ духовной школы указывается въ ея сословности и закрѣпощеніи ею въ себѣ дѣтей духовенства. Коренная причина того, почему духовная школа не удовлетворяетъ своему назначенію, говоритъ одинъ изъ ректоровъ духовныхъ семинарій,—заключается „въ крайней сословности нашей духовной школы: въ ней учатся дѣти и юноши духовнаго сословія, совершенно случайно попавшіе сюда, лишь только потому, что происходятъ отъ духовныхъ родителей, которые отдають ихъ въ духовную школу въ лучшемъ случаѣ по привычкѣ, а большею частію за неимѣніемъ средствъ на свѣтскую школу“³⁾). „Въ десятилѣтнемъ возрастѣ“ воспитанникъ духовно-учебнаго заведенія, говоритъ проф. Мышцынъ, „своимъ поступленіемъ въ духовную школу, которое зависитъ обыкновенно не отъ него, а отъ его родителей, самъ того не сознавая, отказался отъ права свободно избирать для себя цѣль жизни. Какъ только въ немъ начинается появляться сознательное отношеніе къ жизни, онъ чувствуетъ, что онъ связанъ, что задача его жизни рѣшена безъ него. Приноровленный къ будущему его призванію церковный режимъ и церковный характеръ самаго образованія, вполне естественный, если бы это призваніе было дѣломъ свободнаго и сознательнаго выбора, теперь кажется насиліемъ надъ его волей, не оправдываемымъ ни съ рациональной, ни съ религіозной точекъ зрѣнія, и вызываетъ глухое раздраженіе противъ церковности“⁴⁾). „При такихъ

1) „Прав.-Русск. Слово“, № 12, стр. 122.

2) Неотложная задача, II. Лебедева. „Церк. Вѣстн“. 1904 г., № 37.

3) «С.-Петербур. Вѣдом.» 1905 г., № 63.

4) О нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. В. Мышцына. „Богосл. Вѣстн.“ 1905 г., іюль—авг., стр. 659—660.

условіяхъ, продолжимъ слова ректора семинаріи, и попробуйте воспитывать, какъ подобало бы для духовной школы! Да тутъ лишняя четверть часа въ богослуженіи, прибавка одной стихирѣ и т. п. вызываетъ затаенную, а то и открытую злобу у школьниковъ, совершенно не понимающихъ, къ чему это имъ нужно: вѣдь они не хотятъ быть духовными, а кто хочетъ, тотъ и самъ заведетъ это у себя въ приходъ“ 1).

Третьимъ существенно важнымъ недостаткомъ духовной школы является отсутствіе жизненности въ постановкѣ семинарскаго образованія и несогласованность его съ потребностями времени. „Богословское образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, говорится въ одной изъ цитованныхъ уже нами статей, не стоитъ на высотѣ своего назначенія, оно не отвѣчаетъ современнымъ запросамъ мысли, оно не идетъ въ уровень съ общимъ образованіемъ, не соприкасается съ нимъ, стоитъ въ сторонѣ отъ него, замкнувшись въ свои издавна установившіяся формы и схемы. Мы не то хотимъ сказать, — продолжаетъ авторъ, — что наука должна сойти со своихъ основныхъ устоевъ вѣры и Церкви: оставаясь на этихъ неотъемлемыхъ основахъ, она, для привлеченія къ себѣ общественной просвѣщенной мысли и для удовлетворенія пытливымъ запросамъ юношескаго ума, должна измѣнить способъ раскрытія религіозныхъ истинъ, отказаться отъ тѣхъ приемовъ построенія научнаго матеріала, которые она унаслѣдовала отъ схоластическаго періода богословской науки и которые почему-то хранить и оберегаетъ, какъ дорогую святыню. И теперь, какъ и тогда, учебная богословская литература излагается отвлеченно, сухо, какъ будто она говоритъ о чемъ-то такомъ, что далеко стоитъ отъ духа человѣка, не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, связующаго, не имѣетъ ничего близкаго сердцу человѣка, дорогого для него. Поэтому она не интересуется, не увлекаетъ юной мысли, не овладѣваетъ вниманіемъ, не убѣждаетъ, не одухотворяетъ; напротивъ, порождаетъ нѣкоторую скуку, иногда возбуждаетъ сомнѣніе“ 2). А одинъ священникъ въ повѣствованіи о себѣ, о своихъ первыхъ опытахъ пастырской дѣятельности по окончаніи семинарскаго курса, наглядно показываетъ, какъ онъ и на практикѣ, столкнувшись съ сектантами, опытно убѣдился въ „безжизнен-

1) «С.-Петербург. Вѣд.», № 63.

2) „Орловск. Епарх. Вѣд.“ 1905 г., № 35, стр. 904—905.

лости и недостаточности своей семинарской подготовки къ отвѣтственному іерейскому служенію“¹⁾. „Наша духовная школа, слышится обвиненіе съ другой стороны, вся сосредоточилась на исторіи, на прошломъ, она слишкомъ теоретична, оторвана отъ жизни“²⁾. „Едва ли не въ принципъ семинарскаго обученія, — говоритъ проф. Мышцынъ, касаясь общеобразовательныхъ предметовъ семинаріи, — возводится знакомство лишь съ тѣми идеями и теченіями умственной и нравственно-общественной жизни, которыя стали уже достояніемъ исторіи и превратились въ мертвый матеріалъ. Напротивъ, все живое, новое, чѣмъ живетъ и волнуется современное общество и человѣчество, все это старательно замалчивается и скрывается. Умъ семинариста искусственно воспитывается въ обстановкѣ и идеяхъ начала 19, а иногда и 18 вѣка. Программа семинарскихъ наукъ задается, повидимому, цѣлью сдѣлать семинаристовъ людьми не образованными, а учеными, на самомъ дѣлѣ не дѣлая ихъ ни тѣми, ни другими“³⁾.

Силы, значенія и правильности этихъ сужденій отрицать нельзя, и со стороны воспитанниковъ семинаріи нерѣдко слышатся жалобы на „схоластику“ въ семинарскомъ преподаваніи. Но съ другой стороны едва-ли можно оспаривать справедливость и такой къ этому оговорки. „Наличность въ пастырѣ самыхъ основательныхъ богословскихъ познаній, пишетъ одинъ изъ приводившихся уже нами авторовъ, не спасетъ его, однако, отъ чисто наемническаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, если только онъ не проникся искреннею любовью къ людямъ, не охваченъ пламенною ревностью объ ихъ спасеніи, самоотверженнымъ желаніемъ вывести врученныя его попеченію души изъ тьмы заблужденій и пороковъ въ чудный свѣтъ истины и правды Христовой“⁴⁾. Поэтому нельзя не признать вполне основательными тѣ сужденія, которыми указывается на необходимость усиленія пастырскаго воспитанія въ школѣ, готовящей къ пастырскому служенію. Необходимы для пастырскаго служенія извѣстныя знанія; но съ ними необходима также не въ меньшей мѣрѣ и такая настроенность, которая дѣлала бы возможнымъ надлежащее прохожденіе высокаго пастырскаго

1) О нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ связи съ запросами современности. Д. Боголюбова. «Миссіон. Обзоръ» 1905 г., № 4, стр. 656.

2) „Слово“ 1905 г. № 108.

3) «Богословскій Вѣстникъ» 1905 г., іюль—авг., стр. 665.

4) „Прав.-Русск. Слово“, № 11, стр. 22.

служенія. И потому дѣйствительно „необходимо вдохнуть свѣжую струю здороваго пастырскаго идеализма въ сознание питомцевъ духовной школы—будущихъ пастырей Церкви, который явится прочнымъ и вѣрнымъ залогомъ наилучшаго прохожденія ими своего будущаго служенія“ 1).

Жалобы слышатся не на одни только программы семинарскаго курса и способы ихъ выполненія, не на одну только „схоластику“ учебнаго строя семинарій: жалуются съ тѣмъ вмѣстѣ и на пониженіе любознательности и трудолюбія среди учащихся. „Лучшія черты семинариста прежняго времени: серьезное и честное отношеніе къ дѣлу, сознание долга, любовь къ труду и знаніямъ, а также чрезвычайная трудоспособность—теперь поблекли, гсворить одинъ изъ авторовъ, касавшихся нынѣшняго состоянія духовной школы,—и, какъ увядшіе листки, потеряли всю свою прелесть и въ большинствѣ случаевъ стали „преданіемъ старины глубокой“. Ихъ замѣнили новыя черты: поверхностное и легкомысленное отношеніе семинаристовъ къ дѣлу, отсутствіе у нихъ сознанія долга, пониженіе учебной ихъ трудоспособности, любознательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ знаній“ 2). На упадокъ любознательности среди воспитанниковъ духовной семинаріи можно нерѣдко слышать жалобы отъ корпорацій семинарій. А между тѣмъ давно ли, выражаясь словами М. Де-Пуле, такъ „общеизвѣстно было замѣчательное умѣнье семинаристовъ учиться,—„учиться хорошо“ при плохомъ обученіи“, какое существовало въ дореформенной школѣ, когда, возлагая все дѣло на учебникъ, „ничего не оставляли искусству преподаванія, методикѣ и дидактикѣ, которыхъ даже и названія не употреблялись“ 3). Теперь, оказывается, и педагогика не спасаетъ любознательности ученика. Почему? Мы склонны признать значеніе замѣненія архим. Никона, что „это объясняется причинами глубокими и общими: духъ времени нынѣ такой, изнервничались всѣ слои общества, все теперь бродить, кипить, говорить, шумить, но мало дѣ-

1) Тамъ же, стр. 28.

2) Къ вопросу объ упадкѣ пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ П. Козицкаго. С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 3—4. («Мисс. Обзор.» № 18 за 1904 г.).

3) Наше образовательное дѣло и учебная смута. М. Де-Пуле. «Русь» 8183 г. № 17, стр. 26.

лаеть“¹⁾. Не лишено, думаемъ, значенія и мнѣнiе другого автора— Е. С., полагающаго въ числѣ основныхъ причинъ упадка духовной школы — „общее эвдемонистическое и антиномистическое направленiе времени, соединенное съ погоней исключительно за матеріальными благами, съ одной стороны, и съ крайнимъ отвращенiемъ отъ какихъ-либо самоограниченiй, съ другой“²⁾. На этой почвѣ выросъ широкой утилитаризмъ, захватившій всю жизнь современнаго общества. Гдѣ же тутъ будетъ мѣсто для чистой науки, для занятій ею по любви къ истинѣ, по одной лишь любознательности? Любознательность сохранила теперь для себя уголокъ лишь въ душахъ немногихъ сравнительно лицъ, а масса, считающая себя интеллигентной, люди будтобы науки и даже жрецы ея не только ничего не дѣлаютъ, но и ничегонедѣланiе возводятъ въ культъ, гордятся имъ и закрываютъ храмы науки—вышiя учебныя заведенiя, или придумываютъ всѣ способы, чтобы воспрепятствовать, хотя бы и насилiемъ, заниматься даже и тѣмъ, кто хочетъ учиться... Чего же хотимъ мы отъ средней школы, когда такова стала высшая школа? Подъ понятiе „схоластики“ теперь подводятъ, именемъ „мертвечины“ называютъ нерѣдко все, что не приноситъ непосредственной и осязаемой пользы, притомъ не духовной, о которой мало думаютъ, а просто матеріальной. Недугъ этотъ, безъ сомнѣнiя, не составляетъ спеціальной принадлежности духовной школы; но, при ближайшемъ разсмотрѣнiи, нашлись бы и въ духовной школѣ свои особыя условiя, способствующiя его развитiю. При постановкѣ вопроса о реформѣ духовной школы приходится поэтому считаться и съ этимъ ея недостаткомъ.

Волненiя, беспорядки и всякія нестроенiя въ духовныхъ семинаріяхъ являются лишь виѣшнимъ обнаруженiемъ всей совокупности недочетовъ духовной школы. Теперь, конечно, они въ значительной мѣрѣ находятся въ связи съ общимъ броженiемъ, происходящимъ въ Россіи. Но изъ этихъ только причинъ они не объясняются: нестроенiя въ семинаріяхъ начались раньше этого броженiя и, слѣдовательно, имѣли для себя свои особыя причины.

1) Къ вопросу о постановкѣ обученiя и воспит. въ дух. сем., стр. 59.

2) Къ реформѣ нашихъ дух.-учебн. завед. „Прав.-Русск. Слово“, № 12, стр. 117.

Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду, чтобы съ реформою духовной школы устранить и тѣ причины, которыя вызывали нестроения въ ней. Наблюденія надъ жизнью духовной школы, разъясненія, получаемыя отъ педагогическихъ корпорацій на мѣстѣ, и общая совокупность всѣхъ данныхъ приводятъ къ заключенію, что, хотя поводомъ къ проявленію недовольства воспитанниковъ семинарій служатъ разнообразныя случаи ихъ жизни, иногда осложняемые и внѣшними вліяніями, но главнѣйшею причиною нестроений въ семинаріяхъ является неимѣніе для воспитанниковъ семинарій свободнаго доступа въ высшія свѣтскія учебныя заведенія: протестъ противъ этого обычно составляетъ основу семинарскихъ петицій, въ которыхъ все прочее имѣетъ значеніе лишь дополненій, часто случайныхъ и несущественныхъ. Совокупность другихъ недочетовъ духовной школы вліяетъ такимъ образомъ на возникновеніе нестроений въ семинаріяхъ, какъ дополнительное къ главному условію. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что многихъ волнуетъ при этомъ не то даже, что свободнаго доступа въ высшую свѣтскую школу воспитанникамъ семинаріи не предоставлено, а то, что пути жизни воспитанника духовной школы, какъ уже было сказано, почти предрѣшаются самой отдачей его родителями въ духовное училище, такъ какъ духовная школа имѣетъ учебный строй, отъ начала до конца отличающійся отъ всякой другой школы, и потому поступленіе въ нее затрудняетъ возможность перехода изъ нея, въ случаѣ желанія, въ другую школу. Обстоятельство это объединяетъ въ протестахъ прежде всего лучшихъ воспитанниковъ семинарій, притомъ не тѣхъ только, кто хотѣлъ бы перейти въ свѣтскую школу, но и тѣхъ, кто думалъ бы остаться въ духовной школѣ для приготовленія къ служенію Церкви въ томъ или иномъ видѣ дѣятельности,—объединяетъ потому, что молодые умы склонны рѣзче отзываться на имѣющееся въ этомъ ограниченіе ихъ собственной воли въ выборѣ путей жизни и дѣятельности.

Корпораціи семинарій могли бы своимъ нравственнымъ вліяніемъ много принести пользы успокоенію учащихся и надлежащему направленію ихъ духовной жизни. Но ихъ голосъ звучитъ слабо, а иногда совсѣмъ почти не слышно его бываетъ въ критическія минуты жизни учебнаго заведенія. Отчего? Упала ли настолько уровень ихъ соб-

ственныхъ возрѣній, что они внутренно стали на стороу ученическихъ волненій, или причина этому другая? Нѣтъ, педагогическія корпораціи преподавателей духовной школы продолжаютъ быть не менѣе почтенными, чѣмъ было это въ любой изъ предшествующихъ періодовъ жизни духовной школы, глубоко сознаютъ всю ненормальность этихъ нестроеній въ духовной школѣ и болѣютъ душой. И тѣмъ не менѣе внутренняя духовная сила, въ нихъ имѣющаяся, не проявляется. Почему? Вопросъ сложный; но на фонѣ разныхъ сторонъ его наиболѣе явственно обнаруживается одно — подавленность, пришибленность внутренняго настроенія корпорацій, угнетенность духа ихъ. И одна изъ важныхъ причинъ этого — неравноправіе духовной школы и ея дѣятелей съ свѣтскою школою и ея дѣятелями. Духовная школа и исторически, и въ фактахъ современной жизни, и по существу самого дѣла стоитъ во всякомъ случаѣ не ниже школы свѣтской. А между тѣмъ она всегда шла и теперь идетъ позади школы свѣтской въ правахъ своихъ и привилегіяхъ. Особенно чувствительно даетъ себя знать вопросъ о средствахъ содержанія преподавателей духовной школы по сравненію съ преподавателями свѣтской школы; а безъ средствъ содержанія, достаточныхъ для сноснаго существованія, жить нелегко. И здѣсь не то прежде всего дѣйствуетъ на внутреннее настроеніе, что средствъ къ существованію имѣется недостаточно: будь бы это общій удѣлъ преподавателя — съ нимъ больше бы мирились. Угнетаетъ, пришибаетъ сознаніе того, что духовная школа оказывается всегда позади другой своей сестры — свѣтской школы. Вотъ гдѣ главная, по нашимъ наблюденіямъ, причина того подавленнаго настроенія, какое такъ явственно чувствуется въ корпораціяхъ духовной школы. Другія обстоятельства, касающіяся положенія преподавательскихъ корпорацій въ духовной школѣ, присоединяются къ этому, лишь какъ дополнительные и относительно легче исправимыя, при пересмотрѣ дѣйствующаго устава духовной школы.

Преподавательская корпорація — это духовная сила, безъ полнаго дѣйствія которой невозможна правильная жизнь школы. И потому вопросъ этотъ заслуживаетъ при реформѣ духовно-учебныхъ заведеній не меньшаго вниманія, чѣмъ и все прежде сказанное.

Мы намѣтили наиболѣе главные недочеты духовной школы, опре-

дѣляющіе собою пути къ реформѣ ея. Не останавливаемся на частныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ ими, и на частныхъ недостаткахъ въ строѣ духовной школы, требующихъ исправленія. Къ этому умѣстно было бы переходить лишь по выясненіи главныхъ, основныхъ сторонъ въ разсматриваемомъ вопросѣ о реформѣ духовно - учебныхъ заведеній.

По совокупности всѣхъ обстоятельствъ реформа духовной школы признается неотлагательно необходимою, какъ въ виду признанныхъ уже недостатковъ школы, такъ и „особенно въ виду объявленной въ-ротерпимости и выступленія Церкви на болѣе упорную и серьезную борьбу“ съ невѣріемъ и лжеученіями ¹⁾).

Какого же рода реформы предлагаются въ отношеніи къ духовной школѣ и какая реформа наиболѣе полно соотвѣтствовала бы потребностямъ Церкви и условіямъ настоящаго времени?

II.

Проекты реформы духовной школы.

1. Первый видъ предполагаемой реформы—это *частичное* реформированіе духовной школы: предлагаются нѣкоторыя измѣненія въ составѣ учебныхъ предметовъ (напр.: введеніе отечественной исторіи, въ качествѣ обязательнаго предмета, и новыхъ языковъ, въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, въ курсъ духовныхъ училищъ; исключеніе библейской исторіи изъ курса семинарій и введеніе въ этотъ курсъ тригонометріи, космографіи, обязательнаго изученія новыхъ языковъ), въ программахъ преподаванія (усиленіе преподаванія физики и математики, философіи, св. Писанія, церковной исторіи и сокращеніе преподаванія древнихъ языковъ) и въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ по классамъ (богословскіе предметы сосредоточиваются въ V и VI классахъ). *Коренныя* измѣненія въ строѣ духовной школы признаются съ этой точки зрѣнія *нецѣлесообразными*, въ виду давняго историческаго прошлаго духовной школы и засвидѣтельствованной фактами прошлаго полезности ея. При этомъ основными чертами, характеризующими духовно-учебныя заведенія и требующими сохраненія ихъ, признается такое распредѣленіе предметовъ учебнаго курса, чтобы въ

¹⁾ „Прав.-Русск. Слово“, № 12, стр. 116.

первыхъ двухъ классахъ семинарій центральнымъ предметомъ была словесность, въ слѣдующихъ двухъ—философія и въ двухъ старшихъ—богословіе ¹⁾).

Къ этому виду проектируемой реформы примыкаетъ, между прочимъ, также проектъ реформы духовной школы, предлагавшійся на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ ²⁾).

„Церковный Вѣстникъ“ прямѣе однако ставитъ вопросъ о двойственности задачъ духовной школы: 1) объ обученіи и воспитаніи дѣтей духовенства въ общеобразовательныхъ классахъ училища и семинаріи и 2) о подготовленіи къ служенію православной Церкви лицъ, ищущихъ священства, въ спеціально-богословскомъ отдѣленіи духовной семинаріи. Обѣ цѣли эти—„отдѣльныя, равноправныя, одна отъ другой независимыя и лишь рядомъ поставленныя“. Разверстываются онѣ тѣмъ, что *сначала* осуществляется первая цѣль, *потомъ*—вторая, и связь между общеобразовательною частью семинаріи и церковно-богословскимъ отдѣленіемъ—„только виѣшняя“. Церковно-богословское отдѣленіе составляютъ два старшіе класса семинаріи.

Общеобразовательный курсъ духовной школы расширяется, по проекту „Церковнаго Вѣстника“, слѣдующими предметами: въ курсъ духовныхъ училищъ вводятся отечественная исторія и рисованіе; въ духовныхъ же училищахъ и семинаріяхъ ведется обязательное преподаваніе новыхъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго; кромѣ того въ курсъ семинаріи вводятся: тригонометрія, химія, естественная исторія, антропология. Изъ богословскихъ предметовъ исключена библейская исторія. Кромѣ того къ дидактикѣ присоединена также педагогика.

Основная черта сходства между первымъ и вторымъ проектами—въ томъ, что обоими ими предполагаются лишь *частичныя* измѣненія въ строѣ духовной школы; затѣмъ въ обоихъ проектахъ расширяется общеобразовательный курсъ, хотя и неодинаково въ частностяхъ, и богословскіе классы отдѣляются отъ общеобразовательныхъ. Особенность же проекта „Церковнаго Вѣстника“ заключается въ совершенномъ отдѣленіи церковно-богословскаго курса отъ общеобразовательнаго, до

1) Такой въ общемъ планъ реформы принять журналомъ Учебнаго Комитета Св. Синода отъ 8 іюня 1905 г., въ главныхъ частяхъ изложенномъ въ № 46 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 г., въ статьѣ: „Къ реформѣ духовныхъ семинарій и училищъ“.

2) См. статьи П. Лебедева въ №№ «Церковнаго Вѣстника» 2, 4, 7, 11, 15, 17 за 1904 г.; тоже высказывалось и въ другихъ статьяхъ и замѣткахъ «Церк. Вѣстн.» за 1904 и 1905 г.г.

установленія между ними лишь чисто *внѣшней связи*—одно за другимъ, и въ прямой постановкѣ вопроса о двойственности задачъ духовной школы, въ неясности отношеній между которыми усматривается главная причина недостатковъ учебно-воспитательнаго строя духовной школы.

Что сказать объ этомъ типѣ предполагаемой реформы духовной школы?

Если мы обратимся къ заявленіямъ печати, то прежде всего увидимъ, что всюду слышатся рѣшительныя возраженія противъ того, чтобы была произведена лишь частичная реформа духовной школы. „Полумѣрами реформировать духовную школу, въ корнѣ неправильно поставленную, нельзя, пишетъ одинъ изъ ректоровъ духовныхъ семинарій въ цитованной нами уже статьѣ 1). Это дѣлу нисколько не поможетъ. Теперь на дѣлѣ преобладаетъ такой взглядъ, что, если сократить да выкинуть такія-то и такія-то науки изъ курса духовной школы, да ввести или расширить другія, потомъ запретить чтеніе такихъ-то книгъ, а рекомендовать такія-то, дѣло будто-бы значительно, если не кореннымъ образомъ, исправится“. Другой авторъ П. В. С. по поводу слуховъ о возможности лишь только частичныхъ измѣненій въ учебномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ, касающихся только программъ преподаванія и распредѣленія учебнаго времени, рѣшительно заявляетъ, что „духовная школа нуждается въ коренной реформѣ, это очевидно для всѣхъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ настоящимъ положеніемъ. Ненормально стоитъ въ духовной школѣ учебно-воспитальное дѣло, ненормально ея отношеніе къ цѣли, которой она призвана служить, ненормально ея отношеніе къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, словомъ, ненормальность проходитъ въ ея внутреннемъ строеніи и касается ея внѣшняго положенія“ 2).

Дѣйствительно, предполагаемая частичная реформа значительно улучшаетъ учебный строй духовной школы, устраняетъ разные недостатки въ постановкѣ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, предлагаетъ лучшія существующихъ программы. Но она напр. не касается основнаго пункта, въ которомъ сосредоточивается сущность недовольства учениковъ семинарій своею школою, именно—отношенія семинаріи къ свѣтской общеобразовательной школѣ и правъ воспитанниковъ ея по поступленію въ высшую свѣтскую школу. Въ результатѣ поэтому полу-

1) «С.-Петербург. Вѣдом.», 1905 г., № 63.

2) «Орловск. Епарх. Вѣд.» 1905 г., № 35., стр. 903—904.

чилося бы, что реформированная семинарія не внесла бы никакого измѣненія въ существующемъ положеніи этого вопроса. Почва для протестовъ учениковъ семинарій осталась бы такимъ образомъ прежняя и въ реформированной духовной школѣ, вслѣдствіе чего не прекратились бы и волненія въ семинаріяхъ; можно было бы скорѣе даже ждать усиленія такихъ волненій, въ виду неудовлетворенія надеждъ воспитанниковъ отъ ожидаемой всѣми реформы.

Съ другой стороны проектомъ этимъ во всей силѣ оставляется существующая въ духовной школѣ въ настоящее время двойственность и даже утверждается еще болѣе. Между тѣмъ съ точки зрѣнія потребностей Церкви нельзя допустить, чтобы духовная школа въ равной мѣрѣ готовила и къ пастырскому служенію, и ко всякой свѣтской службѣ и дѣятельности, и чтобы питомецъ духовной школы воспитывался подъ *двумя* столь разно опредѣляющими строй его внутренней жизни началами. Колебанія естественны въ индивидуальной жизни человѣка, но они не могутъ быть въ самой системѣ воспитанія и образованія, такъ какъ это совершенно лишало бы внутреннюю жизнь питомца устойчивости, столь необходимой въ періодъ воспитанія, когда еще только складывается духовная личность человѣка. Уже теперь, когда изъ духовныхъ семинарій имѣется лишь только нѣкоторый выходъ въ свѣтскую школу, возможность такого выхода часто отзывается неблагоприятно на духовномъ складѣ воспитанниковъ. Небезызвѣстны факты, когда напр. преподаватель богословскихъ предметовъ на обращенное къ воспитаннику старшихъ богословскихъ классовъ семинаріи замѣчаніе, что онъ, какъ готовящійся къ пастырскому служенію, не можетъ не заниматься внимательнымъ изученіемъ подлежащаго богословскаго предмета,—получалъ въ отвѣтъ, что онъ, воспитанникъ, и не думаетъ идти въ священники, а будетъ ветеринаромъ. Имѣетъ значеніе то, что случаи подобныхъ заявленій нерѣдко бываютъ въ классѣ не единичные, а составляютъ даже преобладающее настроеніе въ классѣ,—и тогда положеніе наставника, готовящаго своихъ питомцевъ къ пастырству, бываетъ нелегкое. Общераспространенное, хотя и печальное, явленіе, что преподаватели младшихъ классовъ семинаріи, особенно общеобразовательныхъ предметовъ, въ своихъ классныхъ и всякихъ другихъ бесѣдахъ съ учащимися и не упоминаютъ о предстоящемъ для воспитанниковъ въ будущемъ пастырскомъ служеніи: такъ далека эта мысль для общаго сознанія! Будетъ лишь выразе-

ніемъ дѣйствительности сказать, что § 1 уст. дух. сем. о томъ, что „духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовления юношества къ служенію православной Церкви“, въ практической жизни семинаріи постоянно опускается изъ вида.

Эта двойственность въ практической жизни духовной школы настолько рѣзко чувствуется, что мы слышимъ изъ ея стѣнъ самыя рѣшительныя по этому предмету заявленія. „Семинаріямъ, пишетъ ректоръ одной изъ семинаріи прот. І. Панормовъ, дана задача—вдохнуть пастырскую душу въ тѣхъ, кто усердно заложилъ въ своей душѣ всѣ входы для вѣянія благодати“, не желая „вдохновляться пастырскими идеалами“, хотя и „отлично учится“. „Семинарское начальство ставится въ положеніе художника, которому заказано вылѣпить статую изъ самаго жесткаго камня—булыжника. Надо искреннѣе высказаться по затронутому вопросу и дать намъ опредѣленное рѣшеніе безъ колебаній туда и сюда. Пусть напр. будетъ въ семинаріяхъ устроено все учебное дѣло такимъ образомъ, чтобы для семинариста не было физической возможности уйти въ университет“, чего можно достигнуть напр. чрезъ сокращеніе программъ. „Или пусть объявятъ прямо и рѣшительно, что семинаристъ *долженъ* служить св. Церкви и не можетъ уходить въ свѣтскую службу. Нужна опредѣленность и твердость“! ¹⁾ Приводимъ этотъ вопль наболѣвшей души не потому, что принимаемъ изложенное здѣсь рѣшеніе, а для того, чтобы показать, какъ остро чувствуется въ жизни духовной школы эта двойственность задачъ ея.

Въ проектѣ „Церковнаго Вѣстника“ имѣется въ виду устранить вредныя послѣдствія такой двойственности тѣмъ, что рекомендуется совершенно отдѣлить эти двѣ цѣли и поставить ихъ одну за другою, т. е. сначала готовить поспитанника, куда угодно, а потомъ, въ двухъ послѣднихъ классахъ семинаріи, готовить желающихъ уже къ служенію православной Церкви. Но тогда пришлось бы установить въ семинаріи и *два разные* режима: одинъ—въ общеобразовательныхъ классахъ, другой—въ богословскихъ. А такъ какъ два разные режима въ *одномъ* учебномъ заведеніи и при *одномъ* общежитіи учениковъ *невозможны*, то неизбѣжно возникалъ бы вопросъ объ *отдѣленіи* церковно-богословскихъ классовъ въ *особую самостоятельную* школу.

1) „Церков. Вѣстн.“ 1905 г. № 5.

Это будетъ и послѣдовательнѣе, и для дѣла лучше. Но это повело бы ужь къ *коренной* реформѣ всего строя духовной школы — отъ начала до конца. Такіе проекты есть, и на нихъ мы остановимся въ своемъ мѣстѣ. Теперь же достаточно сказать, что, коль скоро церковно-богословское отдѣленіе будетъ поставлено особо отъ общеобразовательной школы, то и первый и второй изъ приведенныхъ видовъ частичной реформы *окажутся совершенно непригодными*, такъ какъ отдѣльное существованіе церковно-богословской школы отъ общеобразовательной не можетъ быть приемлемо съ точки зрѣнія частичной реформы духовной школы.

Проектами частичной реформы имѣется въ виду возвратиться къ уставу духовно-учебныхъ заведеній 1867 года, который признается болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ уставъ 1884 года. Ставить вопросъ о возстановленіи устава 1867 года въ 1905 году нужно очень осторожно. „Наше доброе время“ и соединяемая съ нимъ воспоминанія розовой юности много разъ вредили дѣлу при выработкѣ реформъ, коль скоро эти безоблачныя воспоминанія о „добромъ старомъ времени“ не пропускались черезъ строгую критику опыта и жизни. Если въ 1884 году былъ поставленъ вопросъ о реформѣ устава 1867 года, то, конечно, были же тому причины. Пусть рѣшеніе этого вопроса получилось неудачное, съ ошибками; но вѣдь существовала же проблема, которую этимъ хотѣли рѣшить. Нужно объективнѣе и полнѣе воспользоваться уроками прошлаго, чтобы не повторить уже обнаружившихся ошибокъ.

Какіе же недостатки выяснились въ уставѣ 1867 года и почему возникъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ немъ?

„Духовныя семинаріи—читаемъ въ современной печати годовъ реформы 1884 года ¹⁾—были“ до реформы 1867 года „заведеніями спеціально-церковными и исключительно сословными (въ родѣ кадетскихъ корпусовъ, заведеній исключительно дворянскихъ); воспитанники семинарій тогда почти поголовно шли на служеніе Церкви, т. е. на священно-церковно-служительскія должности, а если и выходили изъ духовнаго званія, то въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Это положеніе рѣзко измѣнилось послѣ преобразования 1867 года. Теперь семинаріи стали гимназіями, принадлежащими духовенству; конечно, духовенству

1) „Речь“ 1883 года № 19. Изъ статьи М. Де-Пуле.

выгодно имѣть свои гимназіи (кромѣ всесловныхъ, куда входъ никому не возбраняется), но выгодно ли это для Церкви,—еще вопросъ“!

Вотъ именно этотъ вопросъ и возникъ послѣ нѣкотораго времени дѣйствія устава 1867 года—вопросъ о томъ, удовлетворяетъ ли строй духовной школы по уставу 1867 года *потребностямъ Церкви*? Вопросъ законный, и сомнѣнія, разъ они возникли, требуютъ разрѣшенія. Реформа 1884 года была отвѣтомъ на это, и если она, положимъ, оказалась недостаточно удовлетворительною, то указанный выше вопросъ жизни чрезъ это не устраняется и не можетъ быть снятъ съ очереди возстановленіемъ устава 1867 года.

Теченіемъ фактовъ жизни отмѣчается въ дальнѣйшемъ развитіи духовно-школьнаго вопроса и слѣдующее обстоятельство: къ 1896 году снова складывается убѣжденіе въ томъ, что духовная школа недостаточно удовлетворяетъ потребностямъ Церкви и не готовитъ должнымъ образомъ къ пастырскому служенію, и снова проектируется реформа—опять съ тою же опредѣленною цѣлію усилить подготовленіе чрезъ духовную школу юношества къ пастырскому служенію. Не въ томъ дѣло: что, какъ и хорошо ли проектировалось и этою, не доведенною и до сихъ поръ до конца, реформою? Мы отмѣчаемъ только фактъ свидѣтельства жизни, фактъ существованія проблемы, не разрѣшаемой въ надлежащей степени духовною школою, долженствующею готовить къ служенію православной Церкви и не исполняющею этого своего назначенія, какъ слѣдуетъ.

Возвращеніе къ уставу 1867 года разрѣшить ли эту задачу? Не такъ легко разрѣшить ее этимъ путемъ даже и въ тѣхъ предѣлахъ, поскольку она соприкасается съ вопросомъ объ открытіи доступа воспитанникамъ духовной школы въ свѣтскія учебныя заведенія.

Если мы сравнимъ школу 70-хъ годовъ со школою нашего времени, то окажется, что общеобразовательный курсъ духовныхъ училищъ и семинарій стоялъ въ 70-хъ и 80-хъ гг. значительно ближе къ курсу средней общеобразовательной школы, чѣмъ видимъ мы это теперь. Основною общеобразовательной школы были тогда древніе языки, которые и въ духовной школѣ стояли удовлетворительно. Теперь же въ свѣтской средней школѣ главнѣйшее вниманіе обращено на новые языки, математику и естественныя науки, такіе предметы, которые въ духовной школѣ стоятъ неудовлетворительно. И сравнятся съ свѣтскою

школою въ этомъ отношеніи духовная школа въ обычномъ своемъ строѣ никакъ не можетъ: она не имѣетъ и не можетъ имѣть для этого достаточно учебнаго времени, такъ какъ ей нельзя напр. обойти св. Писаніе и церковное пѣніе, исключивъ ихъ изъ періода общеобразовательнаго курса; нельзя ей изгнать, подобно свѣтской школѣ, изъ своего курса греческій языкъ—языкъ греко-восточнаго православія и Евангелія, и тѣмъ найти время для прохожденія полныхъ программъ свѣтской школы ¹⁾. И не въ свѣтскихъ только предметахъ духовная школа окажется отставшею отъ свѣтской общеобразовательной школы: въ гимназіяхъ теперь (съ 1890 г.) преподаются въ заключеніе курса закона Божія христіанское вѣроученіе и правоученіе,—это краткій курсъ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія. А воспитанникъ духовной школы, вышедшій изъ нея по окончаніи общеобразовательнаго курса, останется только съ знаніемъ катихизиса, не изучивъ даже и исторіи Церкви, курсъ которой все же проходится въ гимназіи. Слабый въ свѣтскихъ предметахъ, онъ такимъ образомъ оказывается отставшимъ и въ спеціальной особенноти духовной школы—въ предметахъ религіознаго знанія. А это и съ точки зрѣнія потребностей Церкви имѣетъ существенное значеніе: нельзя же принять, чтобы духовная школа выпускала своихъ питомцевъ въ жизнь съ знаніями о религіи даже меньшими тѣхъ, какія даетъ свѣтская школа!

Обстоятельства эти всегда могутъ дать поводъ къ разногласіямъ по вопросу объ уравниеніи воспитанниковъ духовной школы въ образовательныхъ правахъ съ питомцами свѣтской средней общеобразовательной школы. Мы не скажемъ, чтобы съ точки зрѣнія духовной школы не имѣлось основаній для возраженій противъ приниженія ея общеобразовательнаго курса предъ курсомъ свѣтской школы: сокращая или измѣняя въ учебномъ общеобразовательномъ курсѣ одно, духовная

¹⁾ Чтобы видѣть эту разницу, сдѣлаемъ нѣкоторыя сопоставленія: въ гимназіи (имѣемъ въ виду проектъ гимназій, разсылавшійся по учебнымъ округамъ для обсужденія) на математику проектируется 29 уроковъ въ недѣлю, въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ (по проекту Учебнаго Комитета)—22, на физику—въ гимназіяхъ 10 уроковъ, въ семинаріяхъ—6, на новые языки въ гимназіяхъ: на нѣмецкій—23, на французскій—20, въ семинаріяхъ—на оба языка (при условіи изученія одного изъ нихъ по выбору)—10 уроковъ. Разница слишкомъ значительная! Кромѣ того нѣкоторые предметы (природовѣдѣніе, рисованіе) совершенно пока не преподаются въ духовной школѣ.

школа вмѣсто того даетъ другое, болѣе цѣнное 1). Но должно же имѣть въ виду, что это—возбуждающій споры вопросъ о педагогической цѣнности разныхъ общеобразовательныхъ системъ, и мы не можемъ, безъ встрѣчныхъ возраженій, основываясь на очевидныхъ данныхъ, сказать, что общеобразовательный курсъ духовной школы и общеобразовательный курсъ свѣтской школы *взаимно и программно равны*. Практическій отсюда выводъ былъ обычно тотъ, что воспитанниковъ духовной школы, не желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, допускали въ высшую свѣтскую школу лишь съ тѣми или иными ограниченіями, и даже такъ, что разрѣшали имъ доступъ только туда, куда не идутъ окончившіе курсъ въ свѣтской школѣ и гдѣ аудиторіи иначе пустовали бы, если бы не допустить туда семинаристовъ. Но противъ этого-то и слышатся возраженія воспитанниковъ семинарій; это-то и является главною причиною нестроений среди нихъ. Затрудненія на этой почвѣ могутъ возникнуть и далѣе, даже при заявленномъ принципиальномъ согласіи министерства народнаго просвѣщенія на открытіе доступа воспитанникамъ семинарій въ университеты, не предрѣшающемъ частныхъ условій, которыя съ такимъ разрѣшеніемъ могутъ быть всегда связаны, и не обнимающемъ собою совокупности другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, о правѣ для семинаристовъ поступать въ которыя также неизбежно возникнетъ вопросъ.

1) Въ нашей книгѣ «Объ основахъ и организациі средней школы» (С.-Петербургъ, 1900 г.) мы—думаемъ—достаточно показали, что основою общеобразовательной гуманитарной школы долженъ быть не классицизмъ, или какое-либо иное языковѣдѣніе, и не реализмъ, а — *изученіе духовной природы человека и ея разнообразныхъ проявленій*, и педагогическія ступени такой гуманистической основы слѣдующія: изученіе законовъ слова, законовъ мысли и законовъ духа. Духовная школа, имѣющая въ своей программѣ не только отечественный языкъ, въ широкомъ значеніи слова—до теоріи и исторіи словесности включительно, но также логику, психологію и философію, ближе, чѣмъ всякая другая школа, удовлетворяетъ этому требованію. И здѣсь именно—въ томъ, что основы гуманитарнаго образованія полнѣе осуществляются въ духовной школѣ,—заключается ея сила и имѣется главная причина того относительно высокаго умственнаго развитія, которымъ всегда отличались питомцы этой школы. Въ реформируемую среднюю свѣтскую школу тоже вводятъ теперь поименованные философскіе предметы, но лишь въ видѣ *суррогата*, съ именемъ философской пропедевтики, при 4 урокахъ (?) въ недѣлю въ старшемъ (одномъ!!) классѣ. Пользы отъ такого изученія столь важныхъ предметовъ будетъ, увѣрены, не больше, чѣмъ ея было ранѣе отъ преподаванія тамъ же логики при I урокѣ въ недѣлю.

Изложенные выше проекты частичной реформы духовной школы, не ставя прямо вопроса объ открытіи воспитанникамъ семинарій доступа въ свѣтскую высшую школу, какъ-бы думаютъ само собою достигнуть этого предполагаемымъ расширеніемъ общеобразовательнаго курса духовной школы. Но это, какъ видно изъ сказаннаго, не такъ легко осуществимо въ дѣйствительности, и осуществимость этого не станетъ ни мало реальнѣе оттого, что мы возстановимъ уставъ 1867 года, при дѣйствіи котораго когда-то общеобразовательный курсъ духовной школы считался равнымъ общеобразовательному курсу средней школы: обстоятельства теперь существенно измѣнились, и курсы эти, и тогда не тождественные, но лишь *сочтенные* таковыми (не безъ вліянія со стороны того факта, что одно и тоже лицо—гр. Д. А. Толстой—было и министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Св. Синода), значительно разошлись и сойтись не могутъ безъ новой переоцѣнки вопросовъ объ основахъ общеобразовательной системы.

Но допустимъ самое лучшее: примемъ, что воспитанникамъ семинарій будетъ разрѣшенъ доступъ, и даже свободный, въ высшія свѣтскія учебныя заведенія. Можно ли счесть это правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса о реформѣ духовной школы?

Это было бы правильно лишь въ случаѣ, если бы цѣль духовной школы въ томъ и заключалась, чтобы приготовить учащихся къ поступленію въ свѣтскія учебныя заведенія. А между тѣмъ цѣль ея въ дѣйствительности *другая*—готовить юношество къ служенію православной Церкви. И иною цѣль эта не можетъ быть, если мы не будемъ смѣшивать личнаго эгоистическаго разчета съ потребностями Церкви. Если же мы будемъ оцѣнивать цѣлесообразность духовно-учебной реформы съ этой точки зрѣнія, то должны будемъ признать, что *едва-ли согласимо съ потребностями Церкви* ставить духовную школу *на два пути*—одновременно готовить юношество и къ свѣтской службѣ и къ пастырству, воспитывая въ учащихся до конца образованія сомнѣніе—къмъ ему готовится быть—священникомъ или ветеринаромъ, внося этимъ неизбежную смуту во внутреннюю духовную жизнь школы и стѣсняя подготовку къ пастырству даже и въ отношеніи къ постановкѣ образованія въ семинаріяхъ, которое также будетъ неизбежно двоиться въ ущербъ первой и прямой цѣли духовной школы.

Мы уже сказали, что подобныя колебанія естественны въ индиви-

дуальной жизни человѣка. Но совершенно ненормально было бы провести ихъ, притомъ до конца курса, въ самую систему образованія и воспитанія, къ тому же готовящаго къ пастырству, и тѣмъ принципиально лишить всю педагогическую корпорацію даже права и возможности открытаго слова своимъ питомцамъ, къ чему они готовятся. Это — столь существенныя стороны реформы духовной школы, что обходить ихъ едва-ли было бы возможно, особенно въ виду слышащихся отовсюду сѣтованій на недостатокъ должной внутренней настроенности въ лицахъ, готовящихся къ пастырскому служенію.

А потому мы, по совокупности всего изложеннаго, думаемъ, не разошлись бы съ истиною, сказавъ, что этотъ видъ предполагаемой реформы духовной школы *нельзя* признать цѣлесообразнымъ, такъ какъ онъ не отвѣчаетъ выяснившимся нуждамъ времени и не обезпечиваетъ, въ нынѣшнихъ условіяхъ жизни, удовлетворенія стоящихъ для духовной школы на первомъ мѣстѣ потребностей Церкви.

Въ виду общераспространенности убѣжденія, что реформа духовной школы должна быть *коренная*, большею частію высказываются въ печати и проекты этой реформы такого рода, что ими вносятся существенныя измѣненія въ строй духовной школы.

Остановимся на *ria desideria* этого рода.

2. „Наши духовныя училища и семинаріи“, предлагаетъ проф. Мышцынъ, должны, подобно гимназіямъ, „носить общеобразовательный характеръ, дающій возможность воспитанникамъ, прошедшимъ курсъ ихъ, свободно избирать себѣ жизненный путь, сообразуясь лишь со своими дарованіями и склонностями“. Окончившимъ семинарскій курсъ общеобразовательныхъ наукъ (слѣд.—изъ IV кл. семинаріи) должно быть предоставлено право поступленія въ университетъ на равныхъ условіяхъ съ воспитанниками гимназій. „Подготовкѣ же къ пастырству, т. е. (!) изученію богословскихъ наукъ, должны быть посвящены спеціальныя богословскіе курсы или классы, въ которые могли бы поступать какъ воспитанники, прошедшіе общеобразовательный курсъ семинаріи, такъ и воспитанники другихъ среднихъ учебныхъ заведеній“¹⁾. Богословскіе курсы эти или классы имѣютъ сходство съ церковно-богословскимъ отдѣленіемъ семинарій, проектируемымъ въ статьяхъ

1) «Богосл. Вѣстн.» 1905 г. июль—авг., стр. 670.

г. Лебедева въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, при томъ однако существенномъ различіи, что, повидимому, у проф. Мышцына предполагается общеобразовательный курсъ семинарій *одинаковый* съ курсомъ гимназій.

Яснѣе этотъ видъ реформы излагается въ другомъ мѣстѣ такимъ образомъ. Предполагаемый проектъ реформы духовной школы „касается какъ воспитательной, такъ и учебной части: въ первомъ отношеніи имѣется въ виду такая постановка дѣла, чтобы приготовить къ занятію священническихъ мѣстъ такихъ лицъ, которые принимали бы санъ по убѣжденію и по истинному влеченію духа, не въ силу необходимости или по расчету, какъ это имѣетъ мѣсто теперь; во второмъ отношеніи преслѣдуется цѣль объединенія курса изучаемыхъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ школами свѣтскими. Для достиженія послѣдней цѣли проектъ предполагаетъ придать духовной школѣ такой строй, чтобы первые 8 классовъ (4 въ училищѣ и 4 въ семинаріи) программами своими сходились съ 8 классами гимназій; для спеціально-богословскаго же образованія предназначены 3 высшихъ класса семинарій. Переходъ изъ общеобразовательныхъ классовъ духовной школы въ свѣтскую и университетъ, равно какъ поступленіе въ богословскіе классы по призванію воспитанниковъ свѣтской школы, представляется вполне свободнымъ 1)“.

„Семинаріи наши, говоритъ также г. Боголюбовъ въ цитованной уже нами его статьѣ, нуждаются въ полномъ перерожденіи. Въ нихъ *спеціально-богословскій* курсъ долженъ быть рѣзко выдѣленъ изъ курса *общеобразовательнаго*. Тогда дѣло представится въ такомъ положеніи: пять (?) классовъ духовныхъ училищъ и три первыхъ класса семинарій составятъ изъ себя учебное заведеніе равное гимназіямъ“. „Четвертый же, пятый и шестой классы въ преобразованныхъ семинаріяхъ составятъ изъ себя спеціально-богословскій курсъ для будущихъ пастырей. Сюда поступаютъ послѣ третьяго класса семинаристы, любящіе служеніе Церкви Божіей въ званіи священниковъ. Сюда же, безъ экзаменовъ, свободно допускаются гимназисты, воодушевленные тѣми же чувствами 2)“.

Немаловажную въ практическомъ отношеніи черту этого проекта составляетъ то, что курсъ ученія для желающихъ готовится къ па-

1) «Слово» 1905 года, № 256.

2) „Мисс. Обзоръ» 1905 г. № 4, стр. 658, 659.

пастырскому служенію удлинняется здѣсь до 11 лѣтъ, чѣмъ на пути къ священству кладется лишній камень, какъ-бы для того только, чтобы еще болѣе затруднить этотъ, и безъ того мало кого увлекающій, путь жизни.

Существенную же особенность этого проекта реформы, по сравненію съ изложенными проектами частичныхъ реформъ, составляетъ то, что общеобразовательный курсъ семинаріи предполагается *сравнять* съ курсомъ средней общеобразовательной школы, чтобы чрезъ то сдѣлать возможнымъ переходъ какъ въ свѣтскую среднюю школу изъ соответственныхъ классовъ духовной школы, такъ и въ школу высшую наравнѣ съ окончившими курсъ въ гимназіи. Это уже *коренное измѣненіе въ строй духовной школы, вносящее больше ясности въ не доведенный до конца проектъ частичной реформы*. Но, отдѣляясь такимъ образомъ отъ духа и строя нынѣшней духовной школы, уравниваемой въ общеобразовательной своей части отъ начала до конца съ гимназіей, проектъ думаетъ все же оставить, отдѣленную отъ общеобразовательной школы, специально-богословскую трехлѣтнюю школу подъ одной общей для нихъ кровлей, въ одномъ общемъ зданіи. Последовательность требуетъ идти дальше: коль скоро связь между богословскими классами и общеобразовательною школою, призванная „вышшею“ уже въ проектѣ г. Лебедева, по существу дѣла совершенно и „*рѣзко*“ порывается и общеобразовательный курсъ семинарій, *уравниваясь* съ гимназическимъ, *сходится* съ традиціоннаго пути духовной школы, то церковно-богословскимъ классамъ естественнѣе становится образовать изъ себя *отдѣльную самостоятельную* школу, съ соответствующимъ подготовкѣ къ пастырскому служенію режимомъ воспитанія и жизни. Нельзя *столь разнородныя* части школы держать подъ *одной* кровлей, *безъ ущерба* для цѣлей подготовки къ пастырскому служенію или *безъ* ненеобходимыхъ для свѣтской школы нѣкоторыхъ формъ *стѣсненій* для учащихся, съ неизбѣжными противъ этого протестами со стороны послѣднихъ. Да и для чего это? Какими соображеніями такое соединеніе можетъ быть оправдано? Если до настоящаго времени общеобразовательные классы семинаріи были и находятся совмѣстно съ специально-богословскими, то это вытекаетъ изъ того, что общеобразовательный и богословскій курсъ въ семинаріи образуетъ *одно цѣлое*, планомерно развивающееся отъ одной ступени къ другой, *вслѣдствіе*

чего общеобразовательный курсъ духовной школы и не сходитя съ свѣтскою школою. Коль скоро же 8 лѣтъ училищно-семинарскаго курса будутъ образовывать собою гимназію, — зачѣмъ же гимназіи быть *вмѣстѣ* съ церковно-богословскою школою, готовящею къ пастырству и слѣдовательно — къ *подвигу* жизни? „Смѣшеніе въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи двухъ, не всегда согласныхъ, цѣлей—средняго и общаго образованія и подготовленія къ священству“, по справедливому замѣчанію Е. С. ¹⁾, уже теперь вредно отзывается на духовной школѣ. А тогда отъ этого былъ бы еще большій вредъ, такъ какъ цѣли двухъ частей учебнаго заведенія будутъ совершенно разныя и, соединенныя вмѣстѣ, онѣ будутъ постоянно оказываться въ *антагонизмъ*, тѣмъ болѣе, что подготовка къ пастырству не можетъ быть уравниваема съ однимъ только „изученіемъ богословскихъ наукъ“.

Правильнѣе съ этой точки зрѣнія поступаютъ поэтому тѣ, кто, какъ одинъ изъ инспекторовъ семинарій въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾, рекомендуя преобразование семинарій въ общеобразовательныя восьмиклассныя школы (почему-то, впрочемъ, на реальной, а не гуманитарной основѣ, и съ изгнаніемъ древнихъ языковъ), куда поступали бы всѣ, кто угодно, — пятый и шестой классы нынѣшней семинаріи относить въ монастырь, для приготовленія въ нихъ тѣхъ, кто ищетъ священства, — хотя такая реформа духовной школы, конечно, предлагается не въ интересахъ Церкви, а въ интересахъ житейскаго расчета и удобства жизни.

3. Все это приводитъ насъ къ другому, болѣе послѣдовательному, виду предлагаемой реформы духовной школы, когда *прямо* ставится вопросъ объ *отдѣленіи* богословской школы отъ общеобразовательной въ *особое самостоятельное учебное заведеніе*. Остановимся на этомъ проектѣ, разсмотрѣніе котораго еще полнѣе выяснитъ нѣкоторыя частности въ прежде указанныхъ типахъ реформы духовной школы.

„Пора замѣнить отжившій свое время строй нашихъ духовно-учебныхъ заведеній болѣе совершеннымъ и болѣе современнымъ“, говоритъ П. В. С. въ своей статьѣ: „Духовная школа и желательная реформа“. „Пора отказаться отъ мысли совмѣстить въ одномъ учебномъ заведеніи несомвѣстимое—общее образованіе и спеціальное

1) «Прав.-Русское Слово», 1905 г., № 12, стр. 122.

2) № 162 за 1905 г.

пастырское!“ „Современныя духовныя семинаріи слѣдуетъ превратить въ спеціальныя церковно-богословскія училища съ трехгодичнымъ курсомъ. Сюда, въ эти училища, поступаютъ юноши съ среднимъ образованіемъ, прошедшіе гимназическій курсъ, которые сознательно опредѣлили себя сначала на приготовленіе, а потомъ и на служеніе Церкви. Здѣсь они изучаютъ слово Божіе, богословскія, церковно-историческія и другія науки, необходимыя въ дѣлѣ приготовленія пастырей Церкви. Здѣсь они живутъ одною общею жизнью съ своими просвѣщенными учителями—воспитателями, непременно пастырями Церкви, почерпая отъ нихъ не только нужныя знанія, но и духъ церковный, пастырскую настроенность и пастырское одушевленіе“ 1).

„Если считаютъ законнымъ правомъ духовенства—бесплатно или при незначительной затратѣ средствъ—давать образованіе своимъ дѣтямъ, говоритъ другой авторъ 2), то непременно нужно для сего устроить общеобразовательныя среднія школы для дѣтей духовнаго вѣдомства, изъ которыхъ ученики могли бы свободно, а не по принужденію, или въ силу необходимости, идти, куда имъ хочется, поступать въ дальнѣйшую школу, какого угодно направленія и спеціальности. А послѣ этой уже средней школы создать новую, спеціально духовную школу, для подготовки къ пастырству, желающимъ избрать себѣ этотъ родъ служенія Церкви Христовой. Въ данную спеціальную школу поступаютъ уже не мальчики, какъ теперь, не отвѣчающіе за свое призваніе невольное, а сознательные люди—юноши съ среднимъ общимъ образованіемъ“. „Такая спеціально-духовная школа должна быть непременно внѣ всякихъ сословныхъ преимуществъ: она должна быть доступна юношамъ всѣхъ сословій, которые заявятъ свое желаніе учиться въ ней, при надлежащей, конечно, подготовкѣ для прохожденія ея курса, т. е. по успѣшномъ окончаніи общеобразовательной средней школы“.

Пожеланія объ учрежденіи спеціально-богословской школы для подготовки къ пастырству и о преобразованіи духовныхъ училищъ, съ младшими классами семинарій, въ среднее учебное заведеніе, одинаковое съ гимназіями, высказываются со всѣхъ сторонъ, и изъ разныхъ

1) „Орловск. Епарх. Вѣд.“ 1905 г., № 35, стр. 918. 919.

2) „С.-Петербург. Вѣд.“ 1905 г., № 65, въ статьѣ: „Чего желать для нашей духовной школы“ ректора духовной семинаріи.

епархій нерѣдко поступаютъ сообщенія о новыхъ заявленіяхъ духовенства относительно необходимости реформы духовной школы въ этомъ направленіи.

Мысли не новыя и пожеланія, давно высказывавшіяся. Мы ихъ найдемъ въ печати 80-хъ годовъ, предъ реформою духовной школы въ 1884 году; они высказывались и ранѣе—въ 60-хъ годахъ, предъ реформою духовной школы въ 1867 году.

Такъ, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ въ 1881 году (№ 51), проектируя сліяніе духовной школы въ общеобразовательномъ курсѣ съ свѣтскою (съ передачею ея въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія) полагалъ, что, „по выдѣленіи изъ состава духовной школы общеобразовательнаго курса, слѣдовало бы, собственно для средняго духовнаго образованія, учредить трехгодичный богословскій курсъ, куда поступали бы молодые люди, получившіе общее образованіе въ гимназіяхъ, для спеціальнаго приготовленія ихъ къ священству“. Съ проектомъ объ отдѣленіи высшихъ богословскихъ классовъ отъ семинаріи и объ образованіи изъ нихъ особаго спеціально-богословскаго отдѣленія, или духовной семинаріи въ собственномъ смыслѣ, выступала тогда же и „Русь“, рекомендовавшая изъ общеобразовательныхъ классовъ духовныхъ семинарій и училищъ образовать гимназіи духовнаго вѣдомства для дѣтей духовенства ¹⁾.

„Подобныя мысли, скажемъ словами той же „Руси“, были высказываемы и при преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ“ ²⁾. Проектъ такого рода, напечатанный въ № 39 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 годъ, былъ представленъ въ учрежденный въ 1866 году по Высочайшему повелѣнію комитетъ для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній двумя членами его—ректоромъ Кіевской духовной академіи, архимандритомъ Филаретомъ (впослѣдствіи епископомъ Рижскимъ) и инспекторомъ Московской академіи, архимандритомъ Михаиломъ (впослѣдствіи епископомъ Курскимъ). Отзывъ на этотъ проектъ, не принятый однако комитетомъ, равно и Св. Си-

1) «О мѣрахъ къ возстановленію выборнаго духовенства въ Россіи съ лучшимъ устройствомъ духовно-воспитательныхъ заведеній». И. П. „Русь“ 1881 г. №№ 11—14.

2) «Русь» 1881 года, № 11, стр. 18.

подомъ, былъ составленъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ ¹⁾).

Чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку разсматриваемаго проекта реформы духовной школы, не только нынѣ указываемаго, но и ранѣе уже представлявшагося, необходимо отдѣльно рассмотреть положеніе этого вопроса въ исторической обстановкѣ прошлаго и настоящаго времени.

Проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, составленный архимандритами Филаретомъ и Михаиломъ, былъ основанъ на разсмотрѣніи ими потребностей духовной школы своего времени, какъ они ихъ понимали. Но не излишне имѣть въ виду, что комитетъ по преобразованію духовной школы былъ учрежденъ въ 1866 году, вслѣдъ за состоявшеюся въ 1864 году реформой средней школы, и мысль объ объединеніи духовной школы съ преобразованною гражданскою школою была въ то время общаю. Вліятельнымъ проводникомъ ея въ жизнь являлся тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, опъ же и министръ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой. Ту же мысль раздѣляли и комитетъ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ большинствѣ своего состава, и два упомянутыя его члена, оставшіеся при особомъ мнѣніи.

Общая у всѣхъ мысль выразилась однако въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о реформѣ не одинаково. Два архимандрита сочли наиболѣе цѣлесообразнымъ уравнивать курсъ духовныхъ училищъ, гдѣ учились 6 лѣтъ, съ курсомъ гимназій, гдѣ учились 7 лѣтъ, что, по количеству времени, было нетрудно, а курсъ семинарій, гдѣ учились хотя и 6 лѣтъ, но въ трехъ только отдѣленіяхъ, сократить до 3 лѣтъ, по одному году на каждое изъ бывшихъ трехъ отдѣленій. Въ обоснованіе этого проекта объ уравниеніи курса духовныхъ училищъ съ гимназіями и объ обращеніи семинарій въ спеціально-богословскія школы приведены были ими два основныя соображенія: необходимо а) отдѣлить общее образованіе отъ спеціального и б), уравнивъ общеобразовательную духовную школу съ свѣтскою, достигнуть уничтоженія сословности духовной школы.

Хотя большинство членовъ комитета по преобразованію духовной школы и Св. Синодъ и не приняли проекта двухъ упомянутыхъ архимандритовъ, но, по существу, сдѣлано было потомъ все, къ чему направ-

1) Отзывъ митр. Филарета напечатанъ въ № 39 „Церк. Вѣд.“ за 1905 г.

лень былъ этотъ проектъ, а именно: 1) въ реформированную по уставу 1867 года духовную семинарію рѣшено было принимать „молодыхъ людей православнаго исповѣданія изъ всѣхъ сословій“ (§ 6 уст.), равно какъ приемъ дѣтей изъ другихъ сословій разрѣшенъ былъ и въ духовныя училища (§ 8 уст.); 2) въ основаніе учебной части, по справедливому опредѣленію А. К. въ статьѣ: „Уставы духовныхъ семинарій 1867 и 1884 гг.“ 1), былъ положенъ „принципъ разъединенія спеціально-богословскаго и общаго образованія“, и съ тѣмъ вмѣстѣ общеобразовательный курсъ духовной школы сближенъ съ гимназією, по тому времени, до возможности признанія между ними равенства, и 3) изъ IV класса духовныхъ семинарій, уравнинаго въ своемъ значеніи съ выпускнымъ классомъ гимназій, открытъ былъ потомъ гр. Д. А. Толстымъ (хотя и не надолго, какъ оказалось) воспитанникамъ семинарій свободный доступъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія.

Если въ критическомъ анализѣ митрополитомъ Филаретомъ недостатокъ представленнаго двумя архимандритами проекта отдѣлать то, что вытекало изъ отношенія новопроектировавшагося тогда устава и строя духовной школы къ прежнимъ уставамъ и порядкамъ этой школы и потому имѣло значеніе только для того времени, и взять лишь не потерявшее силы и для настоящаго времени, то основнымъ доводомъ митрополита Филарета противъ означеннаго проекта явится слѣдующее его положеніе:

„Семинарія нынѣшняя (т. е. бывшая до реформы 1867 г.) и предполагаемая по уставу большинства членовъ нынѣшняго (1866 г.) комитета, писалъ митр. Филаретъ, представляетъ организмъ, въ которомъ одна жизнь развивается и возвышается, и надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ. Семинарія двухъ членовъ представляетъ два организма, которые не имѣютъ и не обѣщаютъ единства духа и направленія. Лучше ли это?“ 2)

Вопросъ общаго свойства, имѣющій одинаковое значеніе какъ 50 лѣтъ тому назадъ, такъ и въ настоящее время, и съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ настолько основной, что на немъ прежде всего требуется остановиться вниманіемъ при проектированіи всякаго устава и строя духовной школы.

1) „Богосл. Вѣстникъ“ 1905 г., іюнь, стр. 329.

2) «Церковныя Вѣдомости» 1905 г., № 39, стр. 1659.

Что лучше для конечныхъ цѣлей духовной школы—одно-ли учебное заведеніе, стройно развивающееся въ своихъ частяхъ и готовящее „духовный плодъ“, или „два организма, которые не имѣютъ и не объщаютъ единства духа и направленія“? Мнѣніе митрополита Филарета и комитета по преобразованію духовной школы было на сторонѣ учебно-воспитательныхъ преимуществъ *однороднаго и однотипнаго* учебнаго заведенія.

Вотъ естественныя, по ихъ мнѣнію, послѣдствія двойной школы по пути подготовки къ пастырскому служенію.

„Воспитывающіеся въ общеобразовательномъ духовно-учебномъ заведеніи будутъ возрастать въ той мысли, что предъ ними открыты всѣ возможныя поприща служенія и жизни, а потому едва-ли будутъ развиваться въ себѣ тѣ расположенія и направленіе, какія необходимы для пастырскаго служенія“¹⁾. „Въ свѣтской подѣ духовнымъ начальствомъ гимназій“ „между учениками будетъ господствовать мысль, что они готовятся не къ духовному званію преимущественно, а къ чему хотятъ, или сами не знаютъ, къ чему. Наслѣдственная склонность къ духовному званію потеряетъ силу; бродящая мысль ученика, при видѣ скудной жизни и тяжелой службы духовенства, будетъ перебѣгать въ широкою свѣтскую область, гдѣ встрѣтитъ прельщающія мечты о выгодахъ и почестяхъ; и это легко поведетъ къ тому, что болѣе способные ученики устремятся въ свѣтское званіе, и богословской семинаріи и церковной службѣ достанутся только дрожди общеобразовательнаго училища“²⁾.

„Съ осуществленіемъ изложеннаго предположенія неминуемо повторились бы тѣ же неудобства и затрудненія, какія существовали бы для богословскихъ училищъ въ томъ случаѣ, когда бы приготовительное образованіе молодыхъ людей, предназначающихъ себя къ богословской спеціальности, предоставлено было свѣтскимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ. Извѣстная необеспеченность нашего духовенства въ соединеніи съ трудностями духовнаго званія, конечно, немногихъ изъ кончившихъ курсъ въ духовномъ общеобразовательномъ училищѣ, какъ изъ кончившихъ курсъ въ свѣтскихъ гимназіяхъ, будетъ привле-

1) Тамъ же, стр. 1661.

2) Тамъ же, стр. 1659.

катъ на трехлѣтній спеціально-богословскій курсъ, когда предъ ними открываются двери университета, а изъ него и чрезъ него всѣ возможные служенія и ученыя должности“¹⁾. А „недостатокъ въ лицахъ, получившихъ полное богословское образованіе, повелъ бы къ тому, что епархіальныя начальства вынуждаемы были бы возводить въ священнослужительскій санъ лицъ, не получившихъ богословскаго образованія“²⁾.

Вообще надлежащаго развитія расположенія къ пастырскому служенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и устраненія вышеозначенныхъ затрудненій „естественнѣе ожидать при такомъ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, когда воспитанники и при изученіи предметовъ общаго образованія будутъ имѣть предъ собою одну цѣль — приготовленіе къ пастырскому служенію, не развлекаясь иными цѣлями“³⁾.

Приведенные здѣсь доводы митрополита Филарета и означеннаго комитета не потеряли своего принципиальнаго значенія и для нашего времени; они и теперь, какъ 50 лѣтъ назадъ, требуютъ къ себѣ полнаго вниманія.

Жизнь своимъ теченіемъ выдвинула затѣмъ и другія обстоятельства, съ которыми также необходимо считаться при разрѣшеніи вопроса о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ духовной школы.

Такъ, приближеніе прежняго общеобразовательнаго курса духовной школы къ курсу свѣтской школы настолько, чтобы можно было признавать ихъ равными, теперь, какъ мы уже видѣли, неосуществимо въ той мѣрѣ, какъ это было напр. въ 60-хъ—70-хъ годахъ. Исходъ возможенъ былъ бы практически только уже одинъ, а именно: духовная школа должна была бы взять себѣ учебный строй свѣтской средней школы, если желаетъ имѣть никѣмъ не оспариваемое право на равенство съ свѣтскою школою въ отношеніи къ свободѣ доступа окончившихъ курсъ въ ней въ высшую свѣтскую школу. Но учебный строй свѣтской школы еще болѣе увеличить силу приведенныхъ уже соображеній митрополита Филарета о несоотвѣтствіи его видамъ спеціально-богословской школы, готовящей къ пастырскому служенію.

Жизнь поставила предъ нами и другой вопросъ—объ оставленіи

¹⁾ Тамъ же стр. 1661.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

духовной школы значительнымъ количествомъ питомцевъ ея, предпочитающихъ иные пути дѣятельности, чѣмъ какіе предстоятъ лицамъ, получившимъ воспитаніе и образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. До реформы 1867 года всѣ питомцы духовной школы, за немногими исключеніями, оставались служить въ духовномъ же вѣдомствѣ. И при обсужденіи готовившейся къ 1867 году реформы лишь только предположительно говорилось, какъ это мы видимъ и въ замѣчаніяхъ митрополита Филарета, и въ объяснительной запискѣ къ проекту устава 1867 года, что „извѣстная необеспеченность нашего духовенства, въ соединеніи съ трудностями духовнаго званія“, можетъ ослабить въ питомцахъ духовной школы желаніе поступить на служеніе православной Церкви, что „бродящая мысль ученика, при видѣ скудной жизни и тяжелой службы духовенства, будетъ перебѣгать въ широкую свѣтскую область, гдѣ встрѣтитъ прельщающія мечты о выгодахъ и почестяхъ“, и что „это поведетъ къ тому, что болѣе способные ученики устремятся въ свѣтское званіе“. Пятидесятилѣтній почти опытъ духовной школы показалъ всю справедливость этихъ опасеній: бѣгство семинаристовъ изъ духовной школы стало фактомъ дѣйствительности въ самомъ широкомъ видѣ; такимъ же фактомъ стала вслѣдствіе этого и предусматривавшаяся въ то время возможность „недостатка въ лицахъ, получившихъ полное богословское образованіе“, для замѣщенія священнослужительскихъ вакансій.

Разсматриваемый типъ реформы духовной школы, съ отдѣленіемъ богословской школы отъ общеобразовательной, хорошъ только по идейнымъ соображеніемъ, такъ какъ предполагается, что въ богословскую школу будутъ поступать лица, не только прошедшія основательный курсъ всей средней школы, но и по призванію. Эта идейная сторона настолько здѣсь преобладаетъ, что въ практическомъ примѣненіи такая реформа не можетъ дать желаемыхъ результатовъ. Высшія идеальныя, притомъ религіозныя, стремленія большинству не настолько присущи, чтобы изъ-за нихъ могъ образоваться достаточный контингентъ лицъ, которыя пожелали бы, по окончаніи курса средней общеобразовательной школы, вмѣсто высшей свѣтской школы, поступить въ богословскую школу на 3 года обученія (при 4 годахъ обученія въ высшей школѣ), съ тѣмъ, чтобы стать потомъ только сельскими священниками, или съ надеждой получить и высшее богословское образованіе въ духовной

академіи, но послѣ новыхъ 4 лѣтъ обученія. Такихъ идеалистовъ найдется немного и во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ сколько требовалось бы ихъ для замѣщенія священническихъ мѣстъ въ приходахъ епархіи.

„Правда, можетъ въ началѣ быть, что такая школа, говоритъ одинъ изъ защитниковъ проекта объ отдѣленіи богословской школы отъ общеобразовательной, весьма будетъ малочисленна; періодами это можетъ случаться и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла; но смущаться этимъ не слѣдуетъ“¹⁾. Какъ же „не смущаться“? Не смущаться можно только въ томъ случаѣ, если признать удобопримѣнимымъ средство, указываемое противъ этого въ другомъ мѣстѣ и состоящее въ совѣтѣ „сократить“ въ такомъ случаѣ „количество пастырей“, въ томъ соображеніи, что это лучше, „чѣмъ понижать ихъ качество, толкая къ духовному сану лицъ, завѣдомо къ нему не расположенныхъ“²⁾. А какъ, спросимъ мы, быть съ существующими приходами и церквями—тоже закрыть ихъ? Или оставлять церкви и приходы по цѣлымъ годамъ безъ священниковъ? Не будетъ ли здѣсь сказано и сдѣлапо значительно больше, чѣмъ сколько требуетъ необходимость? И затѣмъ—не преувеличена ли здѣсь мысль о *принужденіи* къ священству лицъ, „завѣдомо къ нему не расположенныхъ“? Бываетъ ли оно въ *такой* формѣ?

Нельзя также остановиться и на оптимистическомъ увѣреніи, что „найдется немало молодыхъ людей, окончившихъ курсъ гимназій, которые вслѣдствіе семейнаго воспитанія и по собственному желанію и разумнѣю будутъ искать спеціальнаго церковно-богословскаго образованія для приготовленія себя къ пастырскому служенію“³⁾. Двери богословскихъ классовъ духовныхъ семинарій были всегда открыты для лицъ, окончившихъ курсъ въ свѣтской средней общеобразовательной школѣ. Но многія ли изъ нихъ пожелали пройти въ эти двери за истекшія почти 50 лѣтъ? Почему же въ будущемъ мы должны ожидать другого?

Здѣсь же отвѣтъ жизни и на мысли о значеніи Всесословности

¹⁾ «С.-Петербург. Вѣдом.» 1905 г., № 69: «Чего желать для нашей духовной школы».

²⁾ «Церк. Вѣстникъ» 1905 г., № 36, стр. 1125.

³⁾ «Орловск. Епарх. Вѣд.» 1905 г., № 35, стр. 919.

церковно-богословской школы. Въ сужденіяхъ по этому предмету имѣется доля правды, но не мало въ нихъ и преувеличенія.

Церковно-богословская школа, говорятъ, должна быть всесословной, и приводятъ 33-е правило шестого вселенскаго собора противъ существовавшаго во время этого собора „въ армянской странѣ“ порядка, по которому принимались „въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода“. „Можно подумать, что данное строгое вселенское соборное правило, говорится по этому поводу, писано какъ разъ противъ теперешняго порядка въ нашей русской церкви, котораго не было и въ древней Руси“ ¹⁾.

Получается, что какъ будто въ наши духовныя семинаріи не допускали и не допускаютъ лицъ не изъ духовнаго званія. Напротивъ, имъ былъ открытъ широкій просторъ къ поступленію въ эти учебныя заведенія. Вотъ § 6 устава 1867 года: „Въ семинаріи принимаются, по надлежащемъ испытаніи, молодые люди православнаго исповѣданія *изъ всѣхъ сословій*“. И вотъ тотъ же § 6 по уставу 1884 г.: „Въ семинаріи принимаются молодые люди православнаго исповѣданія *изъ всѣхъ сословій*“. При чемъ же тутъ правило 33-е шестого вселенскаго собора, будто бы такъ явно нарушаемое въ русской церкви въ настоящее время? Или имѣются въ виду ограниченія 10%-ною нормою въ приѣмѣ иносословныхъ въ семинарію, сдѣланныя для духовныхъ училищъ въ 1900 году, а для семинарій въ 1901 году? Но эти распоряженія вызваны оказавшеюся надобностью „оградить означенныя заведенія отъ наплыва въ оныя неблаговоспитанныхъ и нерасположенныхъ къ духовному образованію дѣтей, преимущественно изъ низшихъ сословій“ (опредѣленіе Св. Синода отъ 18—27 сентября 1901 года, № 4243), потому что, какъ оказалось, въ духовно-учебныя заведенія стали направляться только тѣ худшіе, которые не могли поступить въ свѣтскую среднюю школу; ограниченіемъ приѣма имѣлось въ виду лишь установить между этими лицами болѣе строгій выборъ, и хорошихъ мальчиковъ всегда принимали и принимаютъ въ духовно-учебныя заведенія сверхъ 10%. Говоримъ это не для того, чтобы защищать нужду въ удержаніи этихъ ограниченій и на дальнѣйшее

1) «С.-Петербур. Вѣдом.» 1905 г., № 65, въ статьѣ: «Чего желать для нашей духовной школы».

время: это совершенно особый и частный вопрос, который разрешать нужно, сообразуясь съ общею совокупностью всѣхъ обстоятельствъ. Мы хотимъ только показать, что разсужденія о всеословности церковно-богословской школы стоятъ на неправильной почвѣ. Не въ томъ вопросъ, что инословныхъ не допускаютъ къ служенію православной Церкви, а въ томъ, что *мало* изъ нихъ имѣется желающихъ вступить на этотъ путь.

Вотъ фактъ, свидѣтельствуемый исторіею духовной школы за послѣднее полустолѣтіе: изъ инословныхъ мало оказывается желающихъ поступить на служеніе Церкви, и изъ тѣхъ, кто поступалъ для этого въ духовную школу, многіе не принадлежали къ лучшимъ духовнымъ силамъ русскаго православнаго юношества. Изъ этого факта выводы получились бы далеко отстоящіе отъ тѣхъ, которыми имѣется въ виду доказать нужду въ отдѣленіи церковно-богословской школы отъ общеобразовательной, такъ какъ пришлось бы, при проведеніи этого проекта, считаться съ болѣе, чѣмъ вѣроятною, возможностью, что церковно-богословская школа, „рѣзко“ отдѣленная отъ общеобразовательной, останется пуста и едва ли наполнится даже и „дрожжами“ общеобразовательной школы.

Мы должны, далѣе, считаться съ фактомъ заявленій со всѣхъ сторонъ о недостаточности воспитанія духовною школою пастырскаго духа въ своихъ питомцахъ. Усилится ли это воспитаніе съ сокращеніемъ періода его до 3-хъ лѣтъ? Для воспитанія внутренняго склада, соотвѣтственнаго пастырскому служенію, если не имѣть въ виду единичные случаи и отдѣльныхъ личностей, нельзя считать достаточнымъ того, чтобы къ курсу свѣтской школы было просто только присоединено дополнительно 3 года богословской школы: внутренній челоуѣкъ воспитывается въ душѣ нашей не такъ скоро и не такъ безсистемно. Изъ совокупности вліяній, подъ которыми совершается этотъ внутренній процессъ, предлагаемымъ проектомъ совершенно исключается вся та сумма воспитательныхъ воздѣйствій, которая оказываетъ на питомца правильно стоящая школа, и все отдается на произволъ теченія случайныхъ обстоятельствъ и случайныхъ вліяній на нашу волю и ея самоопредѣленіе. Если неумѣстно и вредно здѣсь принужденіе, то такъ же неумѣстно и вредно было бы оставлять молодую мысль и неустановившуюся волю учащихся на предшествующей спеціально-богословскому

образованію школьной ступени безъ руководства и направляющаго вліянія. А это неизбежно будетъ, разъ общеобразовательная школа будетъ готовить одинаково ко всѣмъ путямъ жизни, обезцѣнивая этимъ ихъ нравственный смыслъ и ставя ихъ для сознанія питомцевъ въ зависимость отъ ихъ разсчетливыхъ соображеній.

Ведеть ли все это къ устраненію одного изъ коренныхъ недостатковъ, отмѣчаемыхъ отовсюду въ современной духовной школѣ, — къ возвышенію пастырской настроенности среди питомцевъ специально-духовной школы? Или мы скажемъ, что этого недостатка въ нашей духовной школѣ не имѣется? Или для нуждъ Церкви этотъ вопросъ не имѣетъ значенія? Или думать намъ, что духъ пастырскаго идеализма самъ собою вольется въ церковно-богословскую школу, стоитъ только открыть ея двери для всѣхъ? Не будетъ ли, напротивъ, пустовать эта школа, стоя съ открытыми настежь дверями?

Почему, недоумѣваетъ одинъ священникъ въ своихъ „Думахъ и воспоминаніяхъ“, обсуждая 20 лѣтъ тому назадъ этотъ же самый вопросъ, — почему „вдругъ ощутить въ себѣ призваніе юноша, воспитываемый въ какомъ-то универсальномъ общеобразовательномъ духѣ? Или просто думаете, что „душа поэта встрепенется“ и вдругъ захочетъ оставить отца и мать и всѣ свѣтскія развлеченія и идти вслѣдъ Его? Благо бы такъ! Но думается, что призваніе пріобрѣтается и отъ воспитанія; оно есть сумма внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни, вліяющихъ на образованіе характера въ человѣкѣ. Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; послѣ бѣлаго хлѣба не вкусна лебеда. Мы увѣрены, что при общеобразовательныхъ семинаріяхъ-гимназіяхъ специально-богословскій классъ служилъ бы развѣ моделью класса пустоты“ ¹⁾.

Наконецъ еще вопросъ: на какія средства и какъ могла бы быть устроена у насъ церковно-богословская школа, какъ дополнительное къ общеобразовательной семинаріи учебное заведеніе? Или точнѣе: на какія средства будетъ содержаться общеобразовательная семинарія, когда церковно-богословская школа будетъ представлять собою отдѣльное отъ нея учебное заведеніе? Такъ какъ только церковно-богословская школа.

1) «Думы и воспоминанія священника». С. «Оренб. Епарх. Вѣд.» 1883 г. № 14, стр. 516.

является учебно-воспитательнымъ заведеніемъ, готовящимъ къ служенію православной Церкви, то только о ней и не можетъ быть сомнѣнія относительно средствъ содержанія ея; она, конечно, должна быть обеспечена всѣми средствами Церкви, какъ служащая именно ея потребностямъ. Но какъ быть общеобразовательной школъ—семинаріи, не имѣющей никакой связи съ церковно-богословскою школою? Правда, она назначается для воспитанія и образованія дѣтей духовенства, но готовить ихъ къ служенію Церкви столько же, сколько и къ дѣятельности юриста, медика, техника, инженера и т. д.

Проф. Мышцынъ говоритъ по этому поводу, что на церковныя суммы могутъ быть содержимы и свѣтскія учебныя заведенія для дѣтей духовенства, при чемъ ссылается на исторію Церкви, когда древняя Церковь употребляла суммы церковныя не только на церковь, но и на бѣдныхъ, а также и на нуждающихся священно-церковно-служителей ¹⁾.

Мы не будемъ утверждать противнаго: если есть у Церкви средства, то почему же не помочь священно-церковно-служителямъ въ воспитаніи и образованіи ихъ дѣтей? Но вопросъ въ томъ: есть ли у Церкви эти средства? Церковно-богословскую школу она не можетъ не содержать и въ прямомъ видѣ тѣхъ или иныхъ отчисленій отъ своихъ доходовъ, и въ употребленіи духовно-учебнаго капитала, состоящаго въ вѣдѣніи Церкви. И школа эта должна быть поставлена и обеспечена по крайней мѣрѣ не въ меньшей степени, чѣмъ какъ обеспечены теперь духовныя семинаріи. Что останется тогда на долю общеобразовательной школы для дѣтей духовенства? Нельзя не имѣть въ виду, что теперь всюду слышатся жалобы на слишкомъ большія обложенія церквей въ пользу духовно-учебныхъ заведеній. Нужно поэтому быть готовымъ не къ увеличенію существующихъ обложеній, а къ уменьшенію ихъ.

„Ненормальность въ расходованіи церковныхъ суммъ у насъ, говоритъ проф. Мышцынъ, защищая свою мысль, заключается не въ томъ, что часть ихъ идетъ въ пособіе духовенству на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, а въ томъ, что обязательные налоги на церкви слишкомъ велики и производятся безъ всякаго участія и контроля мірянъ“ ²⁾. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не обратное ли тому,

1) „Богосл. Вѣстн.“ 1905 года, іюль—августъ, стр. 671—672.

2) Тамъ же.

что хочет этимъ доказать проф. Мышцынъ? „Налоги на церкви слишкомъ велики“: значить, объ увеличеніи ихъ, когда къ существующимъ школамъ присоединятся новыя, нельзя и думать,—придется, поэтому, перенести на *церковно-богословскую школу тѣ средства*, которыя идутъ *теперь на семинарію*. Почему-то авторъ думаетъ, что допущеніе мірянъ къ участию и контролю въ расходованіи церковныхъ суммъ окажется въ пользу общеобразовательной семинарии-гимназій. Нужно ожидать, полагаемъ, обратнаго: такъ какъ „налоги на церкви слишкомъ велики“, то міряне, будучи допущены къ контролю за употребленіемъ церковныхъ суммъ, напротивъ, скажутъ, что нужно произвести сокращеніе этихъ расходовъ и именно за счетъ уменьшенія взносовъ на гимназію для дѣтей духовенства, какъ не имѣющую отношенія къ Церкви. Въ видѣ довода можетъ явиться и то, что не всѣ священники бѣдны и потому могутъ воспитывать дѣтей своихъ и въ общихъ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми этихъ самыхъ мірянъ.

Но, быть можетъ, государство придетъ на помощь и обезпечить эти гимназіи духовнаго вѣдомства? Для этого еще меньше имѣется основаній. Государству нѣтъ никакой нужды содержать на свои средства сословныя общеобразовательныя школы, въ данномъ случаѣ—спеціально для дѣтей духовенства. Оно будетъ употреблять свои средства на общія, открытыя для всѣхъ сословій, общеобразовательныя заведенія и не имѣетъ никакого интереса выдѣлять и обособлять духовенство и его дѣтей. А въ данномъ случаѣ нѣтъ къ этому и никакихъ побужденій: интересы Церкви, правда, безразличны для государства,—но въ церковно-богословскую школу, готовящую къ служенію Церкви, будутъ поступать въ одинаковой мѣрѣ какъ изъ общихъ сословныхъ гимназій, такъ и изъ сословныхъ гимназій духовенства.

Къ изложеннымъ выше столь важнаго свойства затрудненіямъ по осуществленію проекта объ отдѣленіи богословской школы отъ общеобразовательной присоединяется, такимъ образомъ, и не чуждый значенія вопросъ о средствахъ для содержанія гимназій духовнаго вѣдомства и обезпеченія ихъ необходимыми помѣщеніями, такъ какъ наличныя зданія семинарій могутъ потребоваться для новопроектируемой церковно-богословской школы, съ обязательнымъ при ней казеннымъ общежитіемъ, предполагаемымъ самими же защитниками этого проекта.

4. Особую разновидность проекта объ отдѣленіи спеціально - бого-

словской школы, готовящей къ пастырству, составляетъ проектъ реформы духовной школы, предложенный Е. С. въ „Православно-Русскомъ Словѣ“ (№ 12 за 1905 г.), въ цитованной уже нами статьѣ: „Къ реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній“.

Сущность этого проекта состоитъ въ слѣдующемъ. Духовныя училища преобразуются въ спеціальныя прогимназіи съ 6-лѣтнимъ курсомъ, соотвѣтствующимъ такому же курсу министерскихъ прогимназій, съ исходатайствованіемъ одинаковыхъ правъ съ послѣдними и съ замѣною латинскаго языка греческимъ. Епархіальныя прогимназіи даютъ дѣтямъ духовенства общее образованіе, съ воспитаніемъ въ духѣ православной Церкви и въ надеждѣ, что нѣкоторая часть окончившихъ курсъ въ нихъ поступитъ въ спеціальныя богословскія заведенія.

Спеціально-богословскія заведенія проектируются для епархіи троякаго рода: а) низшая школа, имѣющая цѣлю подготовленіе клириковъ и образуемая изъ существующихъ теперь второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, чрезъ преобразованіе ихъ въ школы четырехгодичнаго курса; б) богословскіе курсы, съ 3-хъ или 4-хъ лѣтнимъ срокомъ обученія, для приготовленія кандидатовъ къ назначенію на діаконскія мѣста, а затѣмъ и на священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, и в) богословскій лицей, съ 2 — 3-лѣтнимъ срокомъ обученія, съ большимъ, чѣмъ на курсахъ, кругомъ богословскихъ предметовъ и для болѣе основательной богословской подготовки, въ цѣляхъ приготовленія кандидатовъ священства для городскихъ и нѣкоторыхъ сельскихъ приходовъ. Окончившіе курсъ въ лицейхъ имѣютъ право поступленія для продолженія образованія въ духовныя академіи.

При этомъ въ низшую церковно-богословскую школу, очевидно, поступаютъ окончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ (въ проектѣ опредѣленно по этому предмету ничего не сказано); на богословскіе курсы—окончившіе курсъ въ министерскихъ и епархіальныхъ прогимназіяхъ и въ низшихъ богословскихъ школахъ, преобразованныхъ изъ второклассныхъ; въ богословскіе лицей—окончившіе курсъ на богословскихъ курсахъ, въ церковно-учительскихъ школахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ этотъ, отмѣчая недостаточность пастырской подготовки и должной настроенности въ выпускаемыхъ нынѣшними семинаріями воспитанникахъ и недостаточное среди нихъ число такихъ, которые го-

товы были бы поступить на служеніе Церкви, имѣеть задачей дать Церкви „вполнѣ достаточное количество правоспособныхъ кандидатовъ не только на священство, но и на прочія мѣста въ клирѣ, заполняемые теперь, къ достойному слезъ сожалѣнію, разными отбросами и подонками монастырей и духовно-учебныхъ заведеній“.

Проектъ этотъ имѣеть и слабыя, и хорошія стороны.

Слабую его сторону составляетъ то, что, имѣя въ виду приготовить контингентъ правоспособныхъ и достойныхъ кандидатовъ священства, онъ не обращаетъ въ должной мѣрѣ вниманія на ихъ умственную подготовку и склоненъ къ пониженію уровня образованія духовенства. Такъ, онъ исключаетъ совершенно изъ круга предметовъ, изучаемыхъ не только на богословскихъ курсахъ, но и въ лицеяхъ, латинскій языкъ, оставляя только греческій, не вводитъ въ эти учебныя заведенія также ничего изъ курса общаго свѣтскаго образованія, которое заканчивается лишь для нѣкоторыхъ 6-мъ классомъ гимназіи, а для иныхъ—и второклассной церковно-приходской школой; знанію новыхъ языковъ также не придается значенія. Нормальный уровень знаній и развитія учащихся въ проектируемыхъ богословскихъ курсахъ и лицеяхъ виденъ изъ того, что въ первые могутъ поступать окончившіе ученіе во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, а во второй—въ церковно-учительскихъ школахъ. Основательное и сколько-либо глубокое изученіе съ учениками церковно-учительскихъ школъ богословія и философіи въ проектируемыхъ лицеяхъ едва-ли возможно. Не теперь, когда умственные запросы времени растутъ и растутъ, говорить о пониженіи уровня развитія и знаній духовенства, если оно думаетъ удержать за собою вліятельное духовное положеніе въ обществѣ.

Затѣмъ обиліе ступеней въ подготовкѣ кандидатовъ священства и клира ведетъ къ несогласованности программъ обученія въ каждомъ учебномъ заведеніи и къ не только непроизводительной, но даже вредной для правильнаго умственнаго развитія системѣ богословскихъ концентровъ: сперва—въ начальной школѣ, потомъ—во второклассной школѣ, затѣмъ въ церковно-учительской школѣ (куда, по положенію, поступаютъ окончившіе курсъ во второклассныхъ школахъ), еще далѣе—на богословскихъ курсахъ, наконецъ—въ лицей. Одна св. исторія и катихизисъ въ сколькихъ концентрахъ пройдутъ въ сознаніи учащихся при этой системѣ! И сколько разъ одно и то же изъ богословія будетъ

перебираться въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ разныхъ точекъ зрѣніа и по разнымъ учебникамъ! Различіе въ подготовкѣ учащихся, при поступленіи въ учебное заведеніе, тѣмъ болѣе будетъ давать поводовъ и основаній къ объединенію класса въ усвоеніи хотя бы сначала элементовъ преподаваемого предмета.

Предметы, поддающіеся механической обработкѣ, не трудно приспособить къ деталямъ извѣстнаго, назначаемого для нихъ, употребленія. Но не такъ легко было бы провести ту же систему въ отношеніи къ сознанію и умственному развитію человѣка при подготовкѣ его на мѣсто псаломщика, діакона, сельскаго и городскаго священника, съ тѣмъ, чтобы на каждой ступени дать только то, что для нея, по установленной нормѣ, слѣдуетъ считать достаточнымъ.

Количество кандидатовъ священства, по этой системѣ подготовленныхъ, быть можетъ, будетъ и достаточное, но едва-ли эти кандидаты будутъ надлежаще правоспособны по умственному своему развитію, знаніямъ и авторитету. Можно опасаться, что и внутреннее ихъ настроеніе, воспитаніе котораго въ истинно-пастырскомъ духѣ проектъ поставляетъ главнѣйшею своею цѣлю, не будетъ стоять на желаемой высотѣ и подмѣнится выработкою обманчивой наружности, искренности которой будутъ имѣться всѣ основанія не довѣрять. Эту фальшь въ періодъ воспитанія легко не усмотрѣть, но въ жизни, когда каждый дѣлатель будетъ предоставленъ самъ себѣ, она, несомнѣнно, скажется, и притомъ въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ духовнаго пониженія паствы. Нельзя также не замѣтить, что узкое ограниченіе курса преподаванія въ богословскихъ училищахъ, исключаящее возможность выхода куда-либо на сторону, если бы кто передумалъ идти избранною ранѣе дорогою, можетъ оттолкнуть отъ этого пути многія хорошія силы, не по усвоенному рѣшительному нежеланію поступить на служеніе Церкви, а по естественному для cadaго человѣка, и для молодого юноши тѣмъ болѣе, чувству страха предъ предстоящими на этомъ пути ограниченіями воли. Нужно дать время вырости постепенно внутреннему человѣку въ насъ и собраться съ силами, чтобы поднять предстоящій крестъ жизни. И если бы мы могли войти вглубь души юноши, колеблющагося предъ принятіемъ этого креста, и юноши, который беретъ его на себя, по раздумывая, — то большой вопросъ, кого изъ нихъ пришлось бы признать болѣе высоко стоящимъ въ духовной жизни. Нужно дать юношѣ

постепенно войти какъ въ сознание высокихъ обязанностей пастыря, такъ и въ обладаніе собою для принятія рѣшимости идти по этому пути жизни и дѣятельности. Съ этимъ не сообразована проектируемая система подготовленія къ пастырству, не дающая мѣста даже и мысли о возможности обращенія на другіе пути жизни, коль скоро кто поступилъ въ богословское учебное заведеніе. Ограниченіе общаго образованія становится неполезнымъ и съ этой стороны, ослабляя одно изъ основныхъ положеній проекта—чтобы въ богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ находились и къ пастырству готовились только лица, чувствующія дѣйствительное призваніе къ этому высокому служенію.

Вообще, по нашему мнѣнію, проектъ этотъ, исходя изъ законныхъ воплѣ основаній, предлагаетъ средства, недостаточно согласованныя съ тѣми цѣлями, достиженію которыхъ они назначаются служить, и это дѣлаетъ его поэтому практически неудобнымъ.

5. Наконецъ, указана въ печати еще одна разновидность проекта объ отдѣленіи богословской школы отъ общеобразовательной. Имѣемъ въ виду проектъ ректора Иркутской дух. семинаріи, архим. Никона, изложенный въ цитованной уже нами его брошюрѣ: „Къ вопросу о постановкѣ обученія и воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ“ (Иркутскъ, 1905 г.).

Исходя изъ приведеннаго уже нами положенія, что „пастырство наше губится двойственностію цѣли семинарскаго образованія“, при чемъ, преслѣдуя двѣ цѣли—и общее образованіе дать, и къ пастырству приготовить—не достигаютъ въ результатѣ обычно ни одной¹⁾,—архим. Никонъ находитъ необходимымъ отдѣлить богословскую школу отъ общеобразовательной. Способъ разрѣшенія этого вопроса выводится у него изъ критическаго разсмотрѣнія предлагавшихся уже проектовъ преобразованія духовной школы.

„Все написанное“ по этому вопросу, говоритъ авторъ, „можно свести къ двумъ главнымъ мнѣніямъ: одни желаютъ сократить въ семинаріяхъ курсъ общеобразовательныхъ наукъ и чрезъ это лишитъ окончившихъ курсъ семинарій послѣдней возможности поступать въ высшія учебныя заведенія; кадры духовенства такимъ способомъ сами собой пополнятся и недостатка въ кандидатахъ священства тогда не

¹⁾ Назван. брош. стр. 8. 15.

будеть“. „Другіе, напротивъ, желаютъ увеличить курсы общеобразовательныхъ наукъ въ семинаріяхъ, но выдѣлить два послѣднихъ класса семинарій въ особое пастырское, съ двухгодичнымъ курсомъ, отдѣленіе ¹⁾), куда могли бы поступать какъ прошедшіе общеобразовательные классы духовной школы, такъ и окончившіе курсъ свѣтской средней школы, (имѣется въ виду вышеизложенный проектъ „Церков. Вѣстн.“ по статьямъ г. П. Лебедева). Авторъ не соглашается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ — ни съ системой сокращенія общеобразовательныхъ наукъ въ духовной школѣ, ни съ вторымъ изъ приведенныхъ проектовъ, предполагающимъ расширеніе общеобразовательнаго курса. Послѣдній проектъ авторъ находитъ неосновательнымъ потому, что связь между церковно-богословскимъ отдѣленіемъ и общеобразовательными классами семинаріи признается и устанавливается въ немъ только *внѣшняя* и пастырское воспитаніе, не входя въ общія задачи курса, является въ немъ не обходимой органической частью учебнаго заведенія, а лишь дополненіемъ къ нему или особымъ самостоятельнымъ курсомъ, тогда какъ готовящая къ пастырству „профессіональная школа, чтобы быть хорошей, должна измлада воспитывать человѣка въ опредѣленномъ направленіи, съ опредѣленной цѣлю“ ²⁾).

Соединяя свои соображенія, авторъ дѣлаетъ изъ нихъ такой выводъ: существующія духовныя семинаріи и училища слѣдуетъ оставить, сдѣлавъ ихъ общеобразовательными средне-учебными заведеніями для дѣтей духовенства, или сословными гимназіями духовнаго вѣдомства; пастырскія же семинаріи устроить совершенно особо, какъ самостоятельныя и независимыя по отношенію къ означеннымъ гимназіямъ учебно-воспитательныя заведенія, помѣстивъ ихъ при какомъ-либо монастырѣ или устроивъ при архіерейскомъ домѣ, при чемъ курсъ пастырской семинаріи, состоя изъ 10 классовъ, въ предложенномъ авторомъ росписаніи оказывается, по существу дѣла, одинаковымъ съ курсомъ существующей духовной школы (училища и семинаріи), и въ эти семинаріи, какъ и теперь въ духовныя училища, поступаютъ мальчики 9 — 11 лѣтъ. Иначе говоря, авторъ предлагаетъ, оставивъ существующія зданія духовныхъ училищъ и семинарій для гимназій духовнаго вѣдомства, устроить для подготовленія къ пастырству новыя зданія и въ нихъ новую

1) Тамъ же, стр. 16. 17.

2) Тамъ же, стр. 22.

школу на другомъ мѣстѣ, въ монастырѣ или при архіерейскомъ домѣ, съ такимъ же въ общемъ учебнымъ строемъ, какъ и въ существующихъ семинаріяхъ и училищахъ, но съ иными воспитательными порядками, сообразуемыми съ подготовленіемъ юношества къ служенію православной Церкви. Общая одинаковость учебнаго курса проектируемой пастырской школы съ существующею наглядно обозначается тѣмъ, что въ представленномъ у арх. Никона росписаніи предметовъ пастырской школы въ основаніе полагается проектъ такого же росписанія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ у г. Лебедева. Различіе въ частности въ данномъ случаѣ значенія не имѣетъ. Въ епархіяхъ такимъ образомъ будутъ и гимназіи для дѣтей духовенства и спеціально-пастырскія семинаріи. Последнія, по мнѣнію автора проекта, достаточно было бы имѣть по одной на 2—3 епархіи.

Для выясненія отношеній между епархіальной гимназіей и пастырской семинаріей необходимо имѣть въ виду, что въ пастырскую семинарію мальчики поступаютъ въ первый классъ, послѣ чего соотвѣтственнымъ воспитаніемъ спеціально готовятся къ пастырскому служенію, и что, слѣдовательно, поступившіе въ епархіальную гимназію идутъ своимъ путемъ и не готовятся къ пастырскому служенію, поступая такимъ образомъ на гражданскую службу.

Можно было бы недоумѣвать: какимъ образомъ тогда пастырство можетъ быть избираемо по призванію, коль скоро поступленіе въ готовящее спеціально къ священству учебно-воспитательное заведеніе зависитъ отъ усмотрѣнія родителей и отъ стеченія обстоятельствъ и коль скоро вопросъ этотъ разрѣшается для мальчика въ 9—11 лѣтъ при самомъ первомъ поступленіи его въ школу? Но въ разъясненіе этого мы находимъ у автора слѣдующее положеніе: „вопросъ о пастырскомъ призваніи давно должно замѣнить вопросомъ о пастырскомъ воспитаніи“¹⁾. Подъ освѣщеніемъ этого положенія слѣдуетъ такимъ образомъ принимать и приведенныя выше слова, что „профессіональная школа должна измлада воспитывать челоуѣка въ опредѣленномъ направленіи и съ опредѣленною цѣлію“. Авторъ такимъ образомъ полагаетъ, что то, что называется призваніемъ, явится, какъ результатъ воспитанія мальчика съ 9—11 лѣтъ въ опредѣленномъ направленіи и съ опредѣленною цѣлью.

1) Тамъ же, стр. 95.

Если это правильно, то почему же авторъ не поставилъ вопроса проще: примѣнить это самое воспитаніе въ существующей духовной школѣ съ самой первой ея ступени, когда мальчикъ бываетъ также въ возрастѣ 9—11 лѣтъ, и тогда къ концу курса въ результатѣ такого воспитанія явилось бы у учащихся и призваніе? Коль скоро призваніе есть продуктъ воспитанія, и только его, то затрудняющая дѣятелей духовной школы проблема рѣшается просто. Но авторъ, по опыту, очевидно, сознаетъ, что примѣненіе его основнаго положенія въ наличной духовной школѣ не дастъ искомаго результата. Упростится ли задача, если она будетъ разрѣшаться въ другомъ мѣстѣ, но также съ случайно собранными съ 9-лѣтняго возраста мальчиками, и, слѣдовательно, при гѣхъ же, по существу дѣла, условіяхъ? И если въ нынѣшней духовной школѣ 9—11-лѣтній мальчикъ, приблизившись къ возрасту, когда начинаютъ опредѣляться его индивидуальныи душевныи складъ, можетъ оказаться не сочувствующимъ предопредѣленному его родителями роду жизни, — то развѣ то же самое не произойдетъ въ пастырской семинаріи, отличающейся отъ современной духовной семинаріи главнымъ образомъ только мѣстомъ своего нахожденія?

Затрудненія и недоумѣнія эти возникаютъ отъ того, что вышеизложенное положеніе, по которому призваніе является продуктомъ воспитанія, — односторонне и потому неправильно. Что въ числѣ вліяній, притомъ существенно важныхъ, подъ которыми образуется въ человѣкѣ призваніе, какъ склонность къ извѣстнаго рода дѣятельности, имѣется и воспитательное на данное лицо съ малолѣтства воздѣйствіе, — это вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что рядомъ съ этимъ дѣйствуютъ на душу человѣка и другія вліянія и впечатлѣнія, сходящіяся или расходящіяся съ воспитаніемъ, а также и множество природныхъ индивидуальныхъ расположеній. Это вопросъ настолько сложный, что онъ никакъ не укладывается въ одностороннюю формулу, положенную въ основаніе всего проекта реформы школы.

Практическій выводъ отсюда тотъ, что проектируемая специальная пастырская школа будетъ такъ же неудовлетворительна, какъ и существующая духовная школа, и въ ней будутъ такіе же рѣзкіе протесты противъ системы насильственной прививки призванія къ пастырству, какіе слышатся въ существующей семинаріи. Законъ жизни былъ таковъ всегда; но въ прежнее время, когда сознаніе личности было слабѣе

можно было безъ особаго ущерба для конечныхъ цѣлей погрѣшать въ правильномъ пониманіи отношеній между воспитаніемъ и призваніемъ и держаться даже педагогической системы духовной школы XVIII в., которою принималось за правило, что поступившій въ эту школу „аще и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо воспріиметь кротость на ся“ 1). Но теперь эти теоріи требуютъ исправленія.

Не говоримъ о матеріальной сторонѣ разсматриваемаго проекта, которую отмѣчаетъ и его составитель, находя проектъ „дорогимъ“. Это правильно: онъ дѣйствительно дорогъ въ томъ смыслѣ, что потребовалъ бы на содержаніе духовной школы *вдвое* больше средствъ, чѣмъ расходуется ихъ теперь, тѣмъ болѣе, что пастырскую семинарію пришлось бы устраивать не одну на 2—3 епархіи, а въ каждой епархіи. Но не въ приводимомъ у автора положеніи: „что дешево, то гнило“ — сущность и этого вопроса, а въ томъ, какъ мы видѣли уже ранѣе, что двойныхъ расходовъ на духовную школу Церковь нести не можетъ, а государство принимать на себя расходы на содержаніе словенной гимназіи не имѣетъ основаній.

Главное же, по существу дѣла, разсматриваемый проектъ реформы духовной школы едва-ли можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ настолько, чтобы возникала нужда въ постановкѣ вопроса объ изысканіи средствъ для его осуществленія.

6. Предъ реформой духовной школы въ 1884 году также высказывались разнообразныя сужденія и пожеланія относительно отдѣленія богословской школы отъ общеобразовательной. Въ числѣ проектовъ того времени былъ, между прочимъ, проектъ учрежденія богословскихъ классовъ при гимназіяхъ, съ совершеннымъ закрытіемъ духовныхъ школъ, защиту которыхъ приходилось тогда принимать на себя нѣкоторымъ органамъ печати 2). Теперь о такихъ проектахъ, по существу своему совершенно неосновательныхъ, не слышно, и мы отмѣчаемъ это лишь для полноты картины проектовъ реформы духовной школы.

7. Нельзя остановиться также въ заключеніе на одномъ предположеніи, находящемся до нѣкоторой степени въ связи съ предстоящею реформой духовно-учебныхъ заведеній. Разумѣемъ отмѣченную въ

1) „Изъ быта стараго духовенства“ А. Лотоцкаго. „Русск. Стар.“ 1904 г. октябрь, стр. 105.

2) См. напр. „Церк.-Общ. Вѣстн.“ 1882 г., № 126.

переданныхъ (по указу Св. Синода отъ 27 іюля 1905 г. за № 8), на обсужденіе по епархіямъ вопросахъ нужду въ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи „такихъ богословскихъ училищъ, съ сокращеннымъ общеобразовательнымъ курсомъ, которыя служили бы исключительно для приготовленія кандидатовъ на священно-церковно-служительскія должности, съ допущеніемъ въ эти училища дѣтей, прошедшихъ курсъ церковно - приходскихъ школъ, безъ различія сословія“ ¹⁾.

Этими богословскими училищами не имѣется, безъ сомнѣнія въ виду замѣнить существующую духовную школу—духовныя училища и духовныя семинаріи: они предполагаются возможными лишь въ мѣстностяхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ жизни, какъ напр. „въ отдаленныхъ епархіяхъ Сибири, гдѣ, за недостаткомъ правоспособныхъ лицъ, ежегодно остается значительное число незамѣщенныхъ священническихъ вакансій“ ²⁾. Объ устройствѣ подобныхъ богословскихъ школъ въ мѣстностяхъ съ особыми условіями уже возникали вопросы и ранѣе (напр. въ Сухумѣ на Кавказѣ) и предположенія объ устройствѣ ихъ не могутъ измѣнять хода общаго вопроса о реформѣ духовныхъ семинарій и училищъ, какъ нормальнаго и общаго типа духовной школы, которой лишь на помощь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ, быть можетъ даже временно, могли бы являться упрощенныя богословскія школы. Конечно, и этого рода училища потребовали бы выработки какого-либо общаго для нихъ учебно-воспитательнаго строя; но мы не будемъ на немъ останавливаться, имѣя въ виду собственно реформу духовныхъ семинарій и училищъ, какъ нормальнаго типа духовной школы.

III.

Заключительные выводы.

Не уклонимся, думаемъ, отъ истины, если скажемъ, что, по общему мнѣнію, изъ недостатковъ духовной школы, конечная цѣль которой состоитъ въ приготовленіи къ пастырскому служенію Церкви, главнѣйшими являются два: она не даетъ своимъ питомцамъ той настроен-

1) „Церков. Вѣдомости“ 1905 г. № 45, стр. 1903.

2) Тамъ же.

пости духа, которая требуется для этого служенія, и той общеобразовательной подготовки, безъ которой такое служеніе можетъ не быть въ должной степени плодотворнымъ.

Такъ или иначе, оба эти недостатка духовной школы признаются всѣми, и также едва-ли могутъ возникнуть несогласія по вопросу о томъ, что эти недочеты школы—именно коренные. Споры и недоумѣнія, въ связи съ этимъ находящіяся, касаются собственно вопроса объ отношеніи этихъ недостатковъ между собою и о сравнительномъ значеніи ихъ въ строѣ школы, и еще болѣе — о практическихъ отсюда выводахъ касательно избранія средствъ для устраненія этихъ недостатковъ въ будущемъ строѣ реформируемой школы.

Вопросъ о средствахъ къ устраненію поименованныхъ недочетовъ духовной школы—довольно сложный: строй духовной школы долженъ опредѣляться не изъ этихъ только двухъ точекъ зрѣнія, а изъ общей совокупности не только недостатковъ школы, но и всѣхъ вообще условій ея существованія. Поэтому разнорѣчія по вопросу о строѣ школы могутъ быть тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ больше будетъ затрагиваться частностями этого строя разныхъ условій. Не такъ, быть можетъ, несогласимы будутъ эти разнорѣчія въ первой стадіи вопроса—въ опредѣленіи относительнаго значенія вышеуказанныхъ недостатковъ духовной школы между собою, а слѣдовательно—и въ строѣ духовной школы.

Высказаны было по этому предмету двѣ точки зрѣнія, по опредѣленію „Церковнаго Вѣстника“,—„діаметрально противоположныя“¹⁾: одна изъ нихъ принадлежитъ „Церковному Вѣстнику“, другая—„Православно-Русскому Слову“. Одинъ изъ этихъ органовъ духовной печати—„Православно-Русское Слово“ отмѣчаетъ на своихъ страницахъ главнымъ образомъ первый изъ поименованныхъ недостатковъ, другой—„Церковный Вѣстникъ“ преимущественно обращаетъ вниманіе на второй недостатокъ: первый говоритъ о недостаткѣ пастырской настроенности у питомцевъ духовной школы, второй—о недочетахъ ихъ образовательной подготовки. Важно здѣсь, по нашему мнѣнію, то, что ни тотъ, ни другой изъ поименованныхъ органовъ все же не отрицаетъ наличности котораго-либо изъ указанныхъ недочетовъ нашей духовной школы: ни „Церковный Вѣстникъ“ не говоритъ, что пастырская настроенность питомцевъ духовной школы стоитъ на должной высотѣ, ни

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ» 1905 г., № 33, стр. 1031. № 36, стр. 1124.

„Православно-Русское Слово“, проводя свои взгляды, но утверждает, что въ образовательной подготовкѣ питомцевъ духовной школы недостатковъ нѣтъ. Заявленія и сѣтованія, идущія съ другихъ сторонъ, восполняютъ эту недоговоренность, признавая, что духовная школа и въ томъ и другомъ отношеніи далеко не чужда справедливаго упрека.

Въ этомъ можно видѣть указаніе и на болѣе правильное разрѣшеніе возбуждающаго разногласіе вопроса. Едва-ли можетъ подлежать спору, что для пастырскаго служенія необходимы какъ должная высота внутренняго религіозно-нравственнаго настроенія, такъ и возможно полная широта не только спеціально-богословскихъ знаній, но и образованія вообще. И идеаль пастыря Церкви обнимаетъ какъ то, такъ и другое. А потому и выводъ долженъ былъ бы быть въ отношеніи къ духовной школѣ такой, что въ ней должно быть все возможное какъ для того, чтобы воспитать въ кандидатахъ священства надлежащую пастырскую настроенность, такъ и для того, чтобы вооружить ихъ всѣми по возможности знаніями, не только прямо предполагаемыми богословскою подготовкою къ пастырству, но и вообще всѣми тѣми изъ нихъ, которыя по условіямъ современной жизни, входятъ въ сферу общаго образованія. Последнія, независимо отъ постоянно встрѣчающихся въ жизни случаевъ прямо практическаго ихъ употребленія, важны для поддержанія нравственнаго авторитета служителя Церкви, какъ образованнаго члена общества,—для его собственнаго самосознанія, весьма важнаго въ исполненіи разнообразныхъ обязанностей столь высокаго общественнаго служенія, и наконецъ, для широты умственнаго кругозора вообще, тоже имѣющаго, какъ само собою понятное, существенное значеніе для пастыря Церкви. Случаи, когда недочеты умственнаго образованія покрываются съ обиліемъ достоинствами высокой нравственной жизни, не измѣняютъ общаго положенія и не могутъ давать основаній къ сужденію объ исключительномъ значеніи для пастыря Церкви только однихъ нравственныхъ качествъ и къ умаленію значенія для него умственнаго образованія: особые случаи, которые далеко не такъ часты, находятся и на особомъ положеніи, входятъ въ сферу индивидуальных особенностей пастырей Церкви, а не въ общее сужденіе по этому предмету, которое только и можетъ быть разсматриваемо, какъ основаніе для мѣропріятій по устройству общей для всѣхъ кандидатовъ пастырства духовной школы.

При такомъ взглядѣ, точки зрѣнія „Церковнаго Вѣстника“ и „Православно-Русскаго Слова“ не представляются намъ „діаметрально-противоположными“: онѣ не только совмѣстимы, но и *должны быть совмѣщены въ духовной школѣ*. Возможно, что проекты реформы духовной школы, рекомендуемые въ томъ и другомъ журналѣ, взаимно несоединимы и несогласимы, какъ то въ дѣйствительности и есть. Но это совершенно другой вопросъ: такіе же несоединимые проекты реформы можно составить, даже выходя изъ обонхъ указанныхъ точекъ зрѣнія, вмѣстѣ или порознь. И это различіе будетъ зависѣть уже отъ присоединенія сюда, ясно или неясно, еще какихъ-либо дополнительныхъ положеній, не только существенныхъ, а хотя бы даже, по существу дѣла, и второстепенныхъ, но настолько все же вліяющихъ на практическую разработку проекта, что онъ, вслѣдствіе этого, далеко уклоняется отъ прямого своего направленія въ ту или иную сторону.

Мы остановились на этомъ, чтобы показать всю силу значенія того и другого изъ разсматриваемыхъ недостатковъ и необходимость принять въ основаніе проектовъ реформы, *безъ умаленія*, каждое изъ вытекающихъ отсюда положительныхъ опредѣленій качественной стороны предполагаемой реформы.

Отмѣченный выше также коренной недостатокъ нашей духовной школы — двойственность цѣлей ея — обращаетъ наше вниманіе на относящееся сюда весьма важное положеніе, высказанное митрополитомъ Филаретомъ, находившимъ, что духовная школа должна представлять собою *одинъ „организмъ*, въ которомъ одна жизнь развивается и возвышается“, и въ которомъ „надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ“. Не два учебныхъ заведенія должна представлять собою духовная школа, а одно учебное заведеніе, планомерно развивающееся и ведущее въ результатѣ къ *одной* цѣли. Въ реформируемой духовной школѣ не должно быть той двойственности, которая губитъ духовную школу: *нужно найти исходъ*, чтобы ея не было въ школѣ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принять во вниманіе также важный недугъ нашей духовной школы, заставляющей теперь готовиться къ служенію Церкви всякаго, кто поступилъ въ духовное училище, будучи отданъ въ него родителями въ такомъ еще возрастѣ, когда никакія собственныя сужденія о внутреннихъ влеченіяхъ невозможны-

«Своеобразный отъ начала до конца, несогласованный съ свѣтскою среднею школою, въ общеобразовательной своей части, учебный строй духовной школы дѣлаетъ невозможнымъ свободный переходъ въ свѣтскую школу и ставить въ необходимость всякаго, кто рѣшился бы на это, сдавать для этого экзаменъ въ свѣтской школѣ наряду съ не обучавшимися ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ лицами. Неудивительно, что въ виду такихъ затрудненій никто почти и не пытается искать выхода въ свѣтскую школу, хотя бы и не чувствовалъ въ себѣ призванія къ служенію Церкви. Необходимо дать свободный выходъ изъ духовной школы тому, кто не только не расположенъ къ пастырству, но и не имѣетъ желанія специально заниматься и изученіемъ круга богословскихъ наукъ.

Такимъ образомъ проектируемая духовная школа, представляя собою *одинъ* планомерно развивающійся учебно-воспитательный *организмъ*, должна соединить въ себѣ такія стороны, чтобы она, имѣя *одну* проникающую всю ее конечную *цѣль* — приготовленіе къ *пастырскому служенію*, совмѣщала въ себѣ, безъ ущерба для основной своей задачи, возможную широту *общаго образованія* и давала въ то же время *свободный выходъ* на сторону, въ свѣтскую школу, рѣшѣть тѣмъ, кто не имѣлъ бы призванія къ пастырству или не пожелалъ бы посвятить себя изученію круга богословскихъ наукъ.

Этимъ требованіямъ удовлетворялъ бы такой типъ духовной школы, который допускалъ бы *полное уравненіе съ свѣтскою школою* въ *первой половинѣ* общеобразовательнаго курса, съ тѣмъ, чтобы не желающіе готовиться на служеніе Церкви могли въ это время свободно перейти въ свѣтскую школу; но за то *далше* духовная школа получаетъ уже характеръ школы, *вполнѣ сообразованной съ потребностями пастырскаго служенія*, гдѣ элементы общаго образованія, въ отношеніи къ объему и порядку курсовъ, сообразовываются уже съ возможностью успѣшнаго достиженія основной цѣли духовныхъ семинарій. Практика духовной школы достаточно намѣтила пути совмѣщенія этихъ сторонъ образованія, а предположенные въ первомъ видѣ изъ вышеизложенныхъ проектовъ частичной реформы и принятыя Учебнымъ Комитетомъ измѣненія въ учебномъ курсѣ семинарій даютъ достаточный матеріалъ для окончательныхъ по этому вопросу заключеній. Мы, однако, не можемъ раздѣлять крайностей сужденія при-

веденнаго проекта, что будто самая основная и ни въ какомъ случаѣ будто-бы не отмѣнимая особенность духовныхъ семинарій состоитъ въ томъ, чтобы словесность преподавалась только въ двухъ младшихъ классахъ, философія—въ двухъ слѣдующихъ, а богословіе—только въ двухъ старшихъ. Что *сначала* центральнымъ предметомъ образованія является словесность, на *слѣдующей* ступени—философія и на *дальнѣйшей*—богословіе,—это правильно. Но соединить эти ступени *съ классами*—нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Примѣненіе этого неправильнаго положенія привело между прочимъ въ рассматриваемомъ проектѣ къ искусственному заключенію всѣхъ богословскихъ предметовъ въ курсъ двухъ старшихъ классовъ—V и VI-го и къ фактическому образованію чрезъ это обособленнаго церковно-богословскаго отдѣленія. Примѣръ неудачнаго введенія въ курсъ семинарій, во II классѣ, по уставу 1884 года, библейской исторіи и нѣкоторыя другія неудачныя частности въ распредѣленіи богословскихъ предметовъ не дадутъ еще основанія къ удаленію этихъ предметовъ въ V и VI классѣ и къ обособленію общеобразовательнаго курса, въ ущербъ общей идеѣ семинарскаго образованія. Церковно-богословскіе предметы не могутъ не быть по всему курсу семинаріи (св. Писаніе и церковное пѣніе) и съ удобствомъ и пользою могутъ быть начаты усиленнымъ преподаваніемъ съ IV класса. Съ другой стороны и нѣкоторые не богословскіе предметы должны найти себѣ мѣсто въ старшихъ классахъ (напр. гигиена и медицина, дидактика).

Отдѣльное существованіе духовныхъ училищъ, съ общеобразовательнымъ въ нихъ, изстари, курсомъ, облегчаетъ проведеніе этого типа реформы, потому что представляется вполне возможнымъ сравнять общеобразовательный курсъ духовныхъ училищъ съ первыми 4-мя классами средней общеобразовательной школы; духовная же семинарія явится учебнымъ заведеніемъ, для котораго § 1 устава ея будетъ дѣйствительно опредѣляющимъ ея жизнь началомъ.

Не будетъ отступленіемъ отъ изложенныхъ началъ и на практикѣ не вызвало бы никакихъ особыхъ затрудненій, если бы курсъ духовныхъ училищъ былъ удлинень до 5 классовъ и если бы, слѣдовательно, и полное уравненіе курсовъ духовной и свѣтской школы было удлинено до 5 младшихъ классовъ. Въ такомъ случаѣ семинарскій курсъ сократился бы до 5 лѣтъ. Удобство отъ этого имѣлось бы то,

что чрезъ 5 лѣтъ школьнаго обученія можетъ уже значительно опредѣлиться и установиться индивидуальная личность учащагося и онъ самъ значительно въ состояннн становится судить, можетъ ли онъ готовиться къ пастырскому служенію, или хотя имѣеть ли внутренній интересъ въ духовной наукѣ и богословскому знанію, или его склонности складываются въ другомъ направленіи. И для воспитателей и для родителей, если они станутъ присматриваться къ зрѣющей личности учащагося, уже возможнымъ становится сознательно, на основаннн имѣющихся наблюденій, судить о томъ, что называется „привзаніемъ“ человѣка, а слѣдовательно—возможнымъ становится дать юношѣ и соответственные его внутреннимъ стремленіямъ совѣты. Безпрепятственная возможность, въ виду равенства курсовъ, перейти безъ всякихъ экзаменовъ въ 6-й классъ свѣтской средней школы ставить значеніе этихъ совѣтовъ на реальную почву, если воспитанникъ не имѣеть расположенія поступить—также, конечно, безъ экзамена—въ духовную семинарію, имѣющую уже характеръ специализированнаго духовно-учебнаго заведенія.

Съ другой стороны, почти повсюдное существованіе при училищахъ приготовительныхъ классовъ, съ имѣющимися для нихъ помѣщеніями, дѣлаеть незатруднительнымъ обращеніе курса духовныхъ училищъ въ пятилѣтній.

Удлиненіе училищнаго курса далѣе, до 6 лѣтъ, сокращая семинарскій курсъ до 4 лѣтъ, было бы уже въ нѣкоторомъ несоответствіи съ основною задачею духовной семинаріи, потому что сокращеніе срока нахожденія въ ней, при нормальной постановкѣ дѣла, было бы сокращеніемъ и срока внутренняго постепеннаго подготовленія питомцевъ ея къ высокому служенію Церкви. Встрѣтились бы немаловажныя затрудненія къ проведенію въ жизнь такого проекта и въ томъ отношеніи, что въ зданіяхъ духовныхъ училищъ въ большинствѣ случаевъ не оказалось бы необходимыхъ для шестикласснаго состава учебнаго заведенія помѣщеній. Поэтому мы полагаемъ, что наиболѣе соответствовало бы нуждамъ настоящаго времени такое устройство духовной школы, при которомъ курсъ духовныхъ училищъ, равный пяти годамъ обученія свѣтской общеобразовательной средней школы, продолжался бы 5 лѣтъ, равно какъ и курсъ семинарій, представляющихъ собою уже специализированное духовно-учебное заведеніе, тоже продолжался

бы 5 лѣтъ. Ниже мы представляемъ примѣрное росписаніе учебныхъ предметовъ, сообразованное съ такимъ раздѣленіемъ учебнаго курса духовной школы ¹⁾).

Такая реформа духовной школы имѣла бы на своей сторонѣ то, между прочимъ, преимущество, что она находилась бы въ исторической связи съ существовавшей до сего времени и нынѣ существующей духовною школою. Обстоятельство, какъ говоритъ намъ исторія народовъ и исторія культуры, глубокой важности. Только то новое хорошо принимается и такимъ образомъ бываетъ дѣйствительно хорошо и цѣлесообразно, которое создается на почвѣ, подготовленной историческимъ бытіемъ народа и его духовной жизни. Новое же, лишенное этого опредѣляющаго его характеръ элемента, можетъ лишь временно увлекать присущимъ ему свойствомъ радикализма: но этотъ прельщающій иногда острымъ своимъ запахомъ и рѣзкою окраскою цвѣтокъ не долго держится и скоро вянетъ. Нужно созидать новое, не забывая стараго.

Предполагаемое нами новое, однако, съ тѣмъ вмѣстѣ настолько существенно измѣняетъ внутреннее строеніе духовной школы, что имѣетъ характеръ *коренной реформы* ея и сообразовано со всѣми выяснившимися существенными нуждами школы, значеніе которыхъ мы признаемъ и не умаляемъ.

Имѣетъ значеніе отмѣтить здѣсь и слѣдующія удобства проектируемой реформы.

Окончаніе курса въ духовномъ училищѣ является по этому проекту въ строѣ духовной школы раздѣльнымъ пунктомъ, на которомъ все, съ протестами и недовольствомъ скопляющееся теперь въ семинаріяхъ, могло бы находить для себя естественный исходъ въ сторону, такъ что въ семинарію поступали бы уже лица съ установившимися симпатіями къ богословскому образованію и пастырскому служенію, или

1) Росписаніе учебныхъ предметовъ проектируемой духовной школы, съ уравненіемъ курса ея съ свѣтскою среднею школою только въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ обученія, приложенное при отдѣльномъ мнѣніи моемъ къ журналу Учебнаго Комитета отъ 8 іюня 1905 г., напечатано въ № 47 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 г. (стр. 2007—2008), съ краткимъ изложеніемъ главныхъ мыслей моей записки (стр. 2004—2006). Ниже, въ приложеніи, мы помѣщаемъ (изъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 г., № 46), для сопоставленія, также и росписаніе учебныхъ предметовъ, принятое упомянутымъ журналомъ Учебнаго Комитета.

по крайней мѣрѣ склонныя къ такимъ симпатіямъ. Чрезъ это такимъ образомъ духовная школа освобождается отъ недовольныхъ элементовъ, вносящихъ смуту въ учебное заведеніе и вызывающихъ колебанія въ душевной жизни той части еще не установившагося вполнѣ юношества, которая,—не будь этого,—готова была бы избрать для себя и служеніе православной Церкви.

Духовная школа, далѣе, освобождаясь отъ упрека, что она, взявъ къ себѣ мальчика съ самыхъ раннихъ лѣтъ и съ самой начальной школьной ступени, своею обособленностью въ образовательномъ строѣ предрѣшаетъ навсегда, безъ его добровольнаго избранія, дальнѣйшую его жизнь,—теперь приобретаетъ возможность нравственнаго воздѣйствія существенной важности и силы на своихъ питомцевъ въ томъ фактѣ, что до поступленія въ духовную семинарію учащимся была дана полная свобода выбора учебнаго заведенія для себя и что въ специальное духовно-учебное заведеніе, каковымъ является семинарія, ученикъ поступаетъ самъ по собственному избранію. Проникшіе въ семинарію, несмотря на предоставленную возможность выхода въ свѣтскую школу, беспокойные элементы,—если бы таковыя тамъ оказались,—этимъ по крайней мѣрѣ могутъ быть вводимы въ грани благоразумія и умѣренности, чего нѣтъ иногда возможности внушить имъ теперь, въ виду факта, что дѣйствительно въ духовную школу поступаютъ дѣти съ малолѣтства и что дѣйствительно выходъ изъ нея на всѣхъ ступеняхъ теперь затруднителенъ.

Слѣдуетъ ожидать благопріятнаго вліянія этой реформы на составъ учащихся въ духовной школѣ и въ другомъ отношеніи. Все болѣе и болѣе умножаются факты уклоненія состоятельныхъ священниковъ отъ отдачи сыновей своихъ для образованія въ духовныя училища и семинаріи¹⁾; служащія по духовному вѣдомству и даже въ духовно-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ, подъ вліяніемъ этого, даже независимо отъ сокращеній въ пріемѣ иннословныхъ, начинается уменьшаться число учащихся. Такъ въ П—мъ духовномъ училищѣ, по имѣющимся у насъ статистическимъ даннымъ за 6 лѣтъ, съ 1897—1898 г. по 1902—1903, количество учащихся изъ года въ годъ постепенно уменьшалось съ 186 до 157 челов. (цифры учениковъ по годамъ: 186, 180, 170, 169, 167, 157), при чемъ количество иннословныхъ въ училищѣ было за всѣ эти годы въ общемъ одинаковое (10%—11%) и только въ 1897—98 г. ихъ было 13 %. Въ другомъ духовномъ училищѣ, въ *томъ-же городѣ*, въ тотъ же періодъ времени замѣтное сокращеніе числа учащихся начинается

учебныхъ заведеніяхъ лица также почти всѣ безъ исключенія воспитываютъ дѣтей своихъ въ свѣтской школѣ. А изъ инословныхъ поступаютъ въ духовныя училища обычно лишь тѣ, кто не имѣетъ по-чему-либо возможности получить образованіе въ свѣтской школѣ; такимъ образомъ и этотъ элементъ, со стороны поступающій въ духовную школу, не относится къ лучшимъ силамъ юношества. Оттого инословные ученики духовныхъ училищъ и семинарій и обращаютъ иногда на себя вниманіе отрицательными качествами, чѣмъ вызваны были по этимъ заведеніямъ и ограниченія въ приѣмъ инословныхъ. Предполагаемою реформою уничтожены были бы важнѣйшіе поводы для самого же духовенства и служащихъ по духовному и въ частности духовно-учебному вѣдомству лицъ уклоняться отъ опредѣленія сыновей своихъ въ духовныя училища, такъ какъ наибольшая часть такихъ лицъ предпочитаетъ отдавать дѣтей своихъ въ свѣтскую школу, а не въ духовную, не по несочувствію къ пастырскому служенію или вообще къ служенію Церкви, а потому, что, въ виду крайней затруднительности перехода изъ духовной школы въ свѣтскую и при свободѣ обратнаго, для желающихъ, перехода—изъ свѣтской школы въ духовную, родители не рѣшаются своимъ личнымъ выборомъ опредѣлять пути жизни своего сына, прежде чѣмъ обнаружатся его личныя наклонности и стремленія и, при всякой возможности, избираютъ поэтому исходъ, которымъ сохранена была бы за сыномъ свобода личнаго рѣшенія при выборѣ для себя рода жизни и дѣятельности, хотя фактически, какъ тому и естественно быть, разъ вошедши въ свѣтскую школу, сынъ такихъ родителей уже не возвращается въ духовную среду, изъ которой вышелъ по рожденію. При установленіи единства учебнаго курса духовныхъ училищъ съ низшими пятью (или четырьмя) классами свѣт-

съ 1898—1899 г. и, постепенно понижаясь, спускается съ 207 до 180 чел. (число учащихся по годамъ: 207, 203, 201, 193, 180 чел.), въ то время какъ число инословныхъ, въ 1902—1903 году равное 11⁰/₁₀, въ предыдущіе годы колебалось отъ 7⁰/₁₀ до 11⁰/₁₀ всего числа учащихся. Въ У—ъ духовномъ училищѣ за послѣднее десятилѣтіе, съ 1894—1895 г., число учащихся постепенно понижалось до 1904—1905 года въ слѣдующей, по годамъ, послѣдовательности: 193, 187, 185, 184, 185, 166, 163, 173, 159, 158, и такое сокращеніе количества учащихся, начавшееся до воспослѣдованія ограниченій въ приѣмъ инословныхъ въ училища, также не объясняется изъ количества инословныхъ въ училищѣ, колебавшагося между 10⁰/₁₀—17⁰/₁₀ всего числа учащихся.

ской общеобразовательной школы не было бы для затрудняющихся иногда родителей изъ духовенства и служащихъ по духовному вѣдомству лицъ поводовъ по вышеизложенной причинѣ убѣгать опредѣленія дѣтей своихъ въ духовныя училища, равно и изъ свѣтскихъ лицъ отдавали бы своихъ дѣтей въ духовныя училища не тѣ только, кто не можетъ устроить ихъ въ гимназіи или въ реальномъ училищѣ, потому что за 4—5 лѣтъ школьнаго обученія успѣли бы значительно выясниться стремленія и наклонности дѣтей и можно было бы, въ случаѣ надобности, безъ затрудненія перемѣнить духовную школу на свѣтскую, въ виду одинаковости учебнаго курса въ той и другой въ первую его половину. Правильная же постановка воспитательной части въ духовныхъ училищахъ обезпечивала бы поддержку въ учащихъ добраго настроенія и готовности посвятить себя на служеніе православной Церкви.

Духовная же семинарія, при такой реформѣ, вообще получаетъ возможность полнѣе стать ученымъ заведеніемъ, готовящимъ къ служенію православной Церкви: а) составъ учащихся будетъ въ ней единомысленнѣе относительно цѣли своего образованія; б) общеобразовательный курсъ въ ней можетъ быть полнѣе согласованъ съ нуждами пастырскаго служенія; в) курсъ богословскій не будетъ стѣсняемъ посторонними соображеніями; г) воспитательная часть будетъ поставлена въ большемъ соотвѣтствіи съ потребностями спеціальнаго духовно-учебнаго заведенія.

Все это соотвѣтствуетъ потребностямъ Церкви и вызывается пуждами Церкви.

Но и съ точки зрѣнія интересовъ учащихся проектируемая реформа имѣетъ выгоды, достаточно полно обезпечивающія законныя желанія учащихся. Прежде всего важно въ этомъ отношеніи, что духовная школа, имѣя въ первой своей половинѣ тождественный съ среднею общеобразовательною школою курсъ, даетъ свободу перехода изъ нея въ свѣтскую школу всѣмъ тѣмъ, кто не желаетъ готовиться къ служенію Церкви въ санѣ пастыря или иномъ видѣ дѣятельности, требующемъ богословскаго образованія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, при свободѣ перехода въ свѣтскую школу по окончаніи курса духовнаго училища, воспитанникъ духовной школы не лишается, въ случаѣ перемѣны его желаній, возможности перейти въ свѣтскую школу и послѣ того. Те-

перъ существующій, хотя и съ ограниченіями, порядокъ допущенія въ свѣтскую школу окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ имѣются всѣ основанія не только сохранить, но и правильнѣе установить.

Такъ, съ точки зрѣнія Церкви не можетъ быть препятствій къ тому, чтобы въ высшія свѣтскія учебныя заведенія поступали бы не только окончившіе курсъ семинаріи по первому разряду, но также и по второму: лишаясь лучшихъ духовныхъ силъ, Церковь не можетъ держаться мысли о нуждѣ въ задержкѣ для нея худшихъ силъ. Пусть уходятъ тѣ, кто не хочетъ служить Церкви, независимо отъ того, къ какому разряду онъ причисленъ. Принятіе за основаніе къ рѣшенію этого вопроса не разряда, а желанія или нежеланія быть на служеніи Церкви, лишь только поставило бы вопросъ на правильную почву, и въ то же время, сохранивъ требованія справедливости, не только освободило бы Церковь отъ упрека, нынѣ слышащагося въ устахъ недовольныхъ этимъ лицъ, но и содѣйствовало бы даже лучшему удовлетворенію потребностей Церкви, на служеніе которой поступали бы лица съ призваніемъ и по добровольному избранію путей жизни и дѣятельности для себя. Мы думаемъ, что, когда не будетъ этихъ ограничивающихъ путей, не только не меньше станетъ среди питомцевъ духовныхъ школъ число лицъ, желающихъ посвятить себя служенію Церкви, но оно, напротивъ, еще можетъ увеличиться: чувство горечи, накапливающееся въ молодой душѣ, хотя бы и по недостаточной зрѣлости сужденія, отталкиваетъ иногда отъ святого служенія Церкви и тѣхъ, кто думалъ бы избрать это служеніе. Не нужно давать поводовъ копиться этому чувству особенно тамъ, гдѣ выгодами земными ничто не обилуетъ и гдѣ все основано,—и должно быть основано,—на идеальныхъ влеченіяхъ человѣка.

Необходимо къ этому присоединить, что и съ точки зрѣнія интересовъ гражданскаго учебнаго вѣдомства нѣтъ никакихъ основаній возражать противъ этого. Первый разрядъ дается воспитанникамъ духовной школы, при окончаніи курса, за познанія только въ *богословскихъ* предметахъ и не можетъ быть показателемъ того, какъ проходились воспитанникомъ общеобразовательные предметы, насколько онъ напр. свѣдуецъ въ математикѣ или физикѣ. Поэтому для гражданскаго учебнаго вѣдомства, для котораго богословскія познанія воспитанника духовной школы не имѣютъ значенія при рѣшеніи вопроса о правахъ на поступленіе въ высшее свѣтское учебное заведеніе, не имѣется ни-

какого основанія рѣшать этотъ вопросъ по разряду при окончаніи курса.

Вопросъ этотъ для гражданскаго учебнаго вѣдомства стоитъ на другой почвѣ. Для него имѣеть значеніе лишь то, можетъ ли уровень знаній и развитія воспитанниковъ духовной школы быть поставленъ не ниже гимназическаго. И если этотъ пунктъ уже теперь, при дѣйствиіи устава 1884 года, рѣшается въ общемъ въ пользу духовной школы, то тѣмъ болѣе основанія будетъ такъ рѣшать его при примѣненіи предполагаемаго нами проекта реформы, когда за 4—5 лѣтъ обученія курсъ духовной школы устанавливается тождественный съ свѣтскою среднею школою и когда въ дальнѣйшемъ также общеобразовательный курсъ значительно расширяется по сравненію съ уставомъ 1884 года (введеніемъ въ него обязательнаго изученія новыхъ языковъ, увеличеніемъ курса физики и математики, курса философскихъ предметовъ, о которыхъ вспомнила, хоть немного, и свѣтская школа, и т. д.). И если теперь уже допущеніе воспитанниковъ духовной школы только въ тѣ аудиторіи, которыя безъ нихъ пустовали бы, представляется недостаточно оправдываемымъ существомъ дѣла порядкомъ, то тѣмъ болѣе не будетъ имѣться основаній для продолженія его въ то время, при введеніи условій, предполагаемыхъ нашимъ проектомъ реформы. Духовная школа давала бы въ общемъ образованіе, по меньшей мѣрѣ не уступающее гимназическому, и свободный доступъ для прошедшихъ эту школу въ университеты былъ бы только справедливостью, а въ отношеніи къ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ главнымъ образомъ требуется знаніе математики и физики, вопросъ этотъ безобидно рѣшался бы конкурсомъ на испытаніяхъ.

Въ разрѣшеніи окончившимъ курсъ духовныхъ семинарій поступать въ свѣтскую высшую школу для продолженія образованія, говоря объективно, нельзя не видѣть и благопріятныхъ сторонъ съ точки зрѣнія потребностей Церкви. Нужды Церкви не измѣряются однимъ лишь количествомъ кандидатовъ священства: важно также, чтобы въ свѣтское общество, въ различныхъ формахъ служенія его нуждамъ, входили лица, получившія богословское образованіе, и чтобы чрезъ этихъ лицъ свѣтъ религіозной истины полнѣе проникалъ въ общественное сознаніе. И трудно даже измѣрить всю силу значенія этого фактора общественной религіозной жизни. Быть можетъ, съ точки зрѣнія Церкви было бы

даже болѣе полезнымъ предоставить окончившимъ полный курсъ ученія въ духовной школѣ съ миромъ свободно идти на другіе пути жизни и дѣятельности, если кто передумалъ идти дорогою, предполагаемою строемъ воспитавшаго его учебнаго заведенія. Пусть только данное ему эту школу не останется для общественной жизни непроизводительною духовною затратою и пусть только онъ, гдѣ бы ни находился, былъ бы проводникомъ высокихъ началъ и высокихъ истинъ, возвѣщавшихся воспитавшею его школою. Убыль же кандидатовъ священства, если бы таковая вслѣдствіе этого оказалась, могла бы быть возмѣщаема расширеніемъ стѣнъ учебнаго заведенія и увеличеніемъ количества учащихся въ семинаріяхъ. Пусть свѣтъ религіознаго знанія, болѣе основательно, чѣмъ въ свѣтской школѣ, сообщаемого здѣсь учащимся, обнимаетъ возможно большее количество лицъ. Въ число же избранныхъ на подвигъ пастырскаго служенія пусть поступаютъ тѣ, кто имѣетъ внутреннюю готовность принять этотъ подвигъ или кто по крайней мѣрѣ не будетъ имѣть противнаго этому настроенія, какъ это всегда можетъ быть при принятіи священства поневолѣ.

Нельзя не отмѣтить, что учебный курсъ духовныхъ училищъ всегда имѣлъ общеобразовательный характеръ. Такимъ онъ остается и во всѣхъ проектахъ предполагаемой реформы, причемъ проекты частичной реформы восполняютъ его, какъ мы уже видѣли, рисованіемъ, новыми языками, отечественною исторіею, чрезъ что въ курсъ духовныхъ училищъ, и по учебному плану, принятому журналомъ Учебнаго Комитета отъ 8 іюня 1905 года, вводятся, собственно говоря, всѣ предметы низшихъ классовъ средней свѣтской школы. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ: цѣлесообразно ли, при одинаковости предметовъ преподаванія въ духовныхъ училищахъ и соотвѣтственныхъ классахъ средней общеобразовательной школы, устанавливать для духовныхъ училищъ такое распредѣленіе учебнаго времени, какого не существуетъ ни въ какихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ? И цѣлесообразно ли такую систему преподаванія, обособляя духовныя училища, лишая воспитанниковъ, въ случаѣ желанія, возможности перейти въ свѣтскую школу и ставить ихъ въ необходимость поступать только въ духовную семинарію, хотя бы они и не имѣли склонности къ тому, чтобы готовиться къ служенію православной Церкви? Двухъ отвѣтовъ на эти вопросы, кажется, нельзя дать: съ такою ясностью очевидно, что нѣтъ никакого основанія *искусственно*

созидать *ни съ чѣмъ несогласимый* порядокъ преподаванія однихъ и тѣхъ же предметовъ, тѣмъ болѣе, что о какихъ-либо педагогическихъ основаніяхъ къ этому вопросу *не* ставится,—да и гдѣ они?

Мы однако можемъ встрѣтиться съ возраженіемъ противъ нашего проекта съ двухъ разныхъ сторонъ. Одни, съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ учащихся, скажутъ: переходъ въ свѣтскую школу для окончившихъ курсъ духовнаго училища будетъ открытъ; но найдутся ли у нихъ, при обычной бѣдности духовенства, средства, чтобы воспользоваться этимъ правомъ и перейти въ свѣтскую школу? По необходимости, придется идти въ семинарію, гдѣ обученіе стоитъ значительно дешевле. Другіе, напротивъ, съ точки зрѣнія нуждъ Церкви, выскажутъ недоумѣніе, какимъ образомъ проектируемая духовная школа, при свободѣ выхода изъ нея по окончаніи училищнаго курса и при предоставленіи окончившимъ курсъ семинаріи права поступать въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, удержитъ то единство строя и духа, которое требуется подготовкою къ пастырскому служенію.

Остановимся на этихъ возможныхъ недоумѣніяхъ.

По первому изъ нихъ нельзя не указать, что вопросъ о средствахъ содержанія — общій для всѣхъ сословій и лицъ, и типъ духовной школы не можетъ быть опредѣляемъ съ точки зрѣнія личныхъ удобствъ чьихъ-либо: школа эта ставитъ свои задачи, исходя прежде всего изъ потребностей Церкви, и въ отношеніи къ личнымъ стремленіямъ учащихся въ ней, не направленнымъ къ служенію нуждамъ Церкви, она должна лишь дать возможность *незатруднительнаго отхода на сторону* оформившимся уже нецерковнымъ влеченіямъ. Иная точка зрѣнія на этотъ предметъ будетъ, быть можетъ, и болѣе желательна, если имѣть въ виду совершенно естественные у человѣка личные расчеты, но не думаемъ, чтобы можно было признать ее соотвѣтствующею потребностямъ Церкви: Церковь не можетъ ставить для себя задачею готовить кого-либо въ юристы, инженеры, ветеринары и т. д. Она готовитъ на служеніе себѣ, и *только для этого*; но готовитъ *желающихъ*, и тѣмъ, кто не желаетъ, но тѣмъ не менѣе такъ или иначе вступилъ въ духовную школу,—*даетъ* лишь *возможность незатруднительно отойти* на сторону. Уравнивать этотъ *иной* путь дальше—уже дѣло семьи и вообще кого угодно, но нельзя ставить это задачею Церкви. И ничто не мѣшаетъ мѣстному духовенству на свои общественныя средства при-

нять мѣры къ облегченію положенія недостаточныхъ юношей въ свѣтской средней школѣ учрежденіемъ стипендій въ мѣстной напр. гимназіи или другимъ способомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ потребностями Церкви, но это—*не дѣло Церкви*. И мы увѣрены, что если бы установился предполагаемый нами порядокъ, то никакихъ затрудненій въ данномъ отношеніи не было бы: духовенство нашло бы возможность поддерживать нуждающихся, если бы оказалось, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ поставяетъ въ необходимость идти въ семинарію даже и тѣхъ, кто этого не желаетъ.

Другое изъ предположенныхъ возраженій, вытекаая изъ обратной точки зрѣнія— изъ вопроса о согласованіи строя школы съ потребностями Церкви, а не личными чьими-либо интересами, соприкасается съ одною изъ самыхъ существенныхъ сторонъ духовно-учебной реформы— съ нуждою устранить изъ духовной школы двойственность задачъ и сдѣлать ее однимъ организмомъ, имѣющимъ одну цѣль—приготовленіе къ пастырскому служенію. Нужда эта настолько живо сознается, что возникаютъ, какъ мы видѣли, проекты о совершенномъ отдѣленіи церковно-богословской школы отъ общеобразовательной.

Мы признаемъ всю важность недостатка духовной школы, заключающагося въ двойственности задачъ ея, и всю необходимость установить духовную школу такъ, чтобы она, представляя собою одинъ организмъ, вела только къ одной цѣли. Но мы полагаемъ, что проектъ, нами разсматриваемый, вполне удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

Когда учрежденный въ 1866 году по Высочайшему повелѣнію комитетъ для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній составилъ проектъ духовной школы, въ которомъ богословскій курсъ соединенъ былъ съ общеобразовательнымъ и общеобразовательный курсъ былъ предположенъ „приблизительно въ размѣрѣ гимназій, но съ характеромъ духовныхъ заведеній“, то митрополитъ Филаретъ, говоря теоретически, въ правѣ былъ отозваться объ этомъ проектѣ, что семинарія, по нему, представляетъ *одинъ* организмъ, въ которомъ „одна жизнь развивается и возвышается“ и въ которомъ „надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ“. Двойственности цѣлей въ самой природѣ этого учебно-воспитательнаго организма не было. Но этотъ организмъ тотчасъ же раздѣлился и тотчасъ же появилась въ немъ двойственность задачъ, какъ только изъ IV класса семинаріи, по окон-

чаніи общеобразовательнаго курса, былъ данъ воспитанникамъ духовной школы доступъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, на первое время доступъ совершенно свободный. Этимъ обстоятельствомъ духовная школа *de facto* была раздѣлена на *две* части, съ особыми правами каждой изъ нихъ, или иначе—явились, по существу дѣла, тѣ двѣ школы, которыя предполагались проектомъ архимандритовъ Филарета и Михаила. Внешнее единство этихъ частей, находившихся подъ одною кровлею, сохранилось; но внутренняя жизнь раздвоилась и для школы въ *сознаніи учащихся* и *de facto* явились *две задачи*: давать общее среднее образованіе, годное для какой угодно профессіи, и готовить къ пастырскому служенію. Конфликтовъ и нестроеній на этой почвѣ въ то время не возникало, потому что всякій желающій свободно уходилъ на сторону, поступая въ любое учебное заведеніе, и до окончанія курса оставались лишь тѣ, кто этого хотѣлъ, или кто, несмотря на желаніе, не могъ пока перейти въ свѣтское учебное заведеніе.

Такъ фактическая жизнь духовной школы разошлась съ уставомъ дух. сем., въ § 1 по редакціи 1867 г., какъ и по редакціи 1884 года, гласившимъ, что „духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества *къ служенію православной Церкви*“, а въ § 122 того же устава по редакціи 1867 года, тождественномъ съ § 119 по редакціи 1884 г., восполнявшимъ, что „цѣль семинарскаго обученія образоватъ просвѣщенныхъ *священнослужителей*“. И этотъ разладъ устава съ жизнью, которою живетъ школа, остается съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени. Реформа 1884 года предполагала возвратить духовную школу къ единому смыслу внутренней жизни распространеніемъ богословскаго элемента по всему курсу семинарій и сокращеніемъ общеобразовательной части, но въ результатѣ цѣль оказалась недостигнутою, — возникли изъ-за допущенныхъ при этомъ ошибокъ лишь новыя затрудненія.

Такимъ образомъ двойственность задачъ имѣется по въ природѣ самого духовно-учебнаго организма, а въ практическомъ его примѣненіи къ вопросу объ отношеніи его къ школѣ свѣтской. Однако теперь имѣется склонность внести эту двойственность и въ *самый учебный строй школы*. Таковы оба вида изложенныхъ выше проектовъ частичной реформы, намѣренно и не безъ ущерба для существа дѣла соединяющихъ все богословскіе предметы въ V и VI классахъ и

такимъ образомъ фактически выдѣляющихъ ихъ въ особое отдѣленіе, при чемъ въ проектѣ „Церковнаго Вѣстника“ эта двойственность цѣлей признается прямо и отмѣчается рѣзко. Таковы же всѣ другіе виды проектовъ, предполагающихъ соединеніе подъ одною кровлею двухъ учебныхъ заведеній—свѣтской общеобразовательной школы и духовной. Правда, сосредоточеніе богословскихъ предметовъ въ V и VI классахъ имѣлось и въ уставѣ 1867 года. Но это произошло тамъ, можно допустить, по крайней мѣрѣ безъ полноты тѣхъ опредѣленныхъ соображеній, которыя стали возможными лишь по восслѣдованіи факта выхода воспитанниковъ духовной школы въ свѣтскую школу,—факта, давшего этому обстоятельству весьма важный жизненный смыслъ. Теперь сосредоточеніе богословскихъ предметовъ только въ двухъ старшихъ классахъ семинарій имѣетъ для себя уже опредѣленную цѣль—фактически выдѣлить эти классы изъ состава семинарій и облегчить пути выхода изъ семинаріи по окончаніи курса IV класса, хотя, какъ мы видѣли, предполагаемая цѣль нынѣ, при иномъ курсѣ свѣтской школы, не такъ легко достижима, какъ было ранѣе—во времена дѣйствія устава 1867 года.

Мысль объ отдѣленіи церковно-богословской школы отъ общеобразовательной является поэтому, какъ средство положить конецъ этой раздвоенности и возвратитъ духовную школу къ внутреннему единству, безъ котораго невозможно правильное воспитаніе юношества, готовящагося къ служенію Церкви. Опускается только изъ вида, что принятіе такого средства для достиженія означенной цѣли создастъ лишь новыя, уже достаточно выясненныя нами выше, затрудненія и въ результатѣ не улучшитъ положенія дѣла.

Такъ какъ двойственности задачъ воспитанія и образованія въ *самомъ* существѣ учебно-воспитательнаго организма духовной школы нѣтъ и черта эта привносится въ него лишь *совнѣ*, вслѣдствіе практическаго примѣненія его къ вопросу о выходѣ воспитанниковъ духовной школы въ свѣтскую школу, то отсюда слѣдуетъ, что, *удерживая основы* духовной школы, должно только ввести въ нее тѣ измѣненія, которыя указываются выяснившееся нуждою и которыя сдѣлали бы возможнымъ незатруднительный *выходъ* изъ духовной школы всѣмъ тѣмъ, кто не желаетъ посвятить себя служенію Церкви. Проектируемая нами реформа и назначена служить прежде всего этой цѣли:

ею предоставляется свободный выходъ на сторону, по окончаніи 4—5-лѣтняго учебнаго курса, всякому, кто не чувствуетъ въ себѣ расположенія къ богословскому образованію и къ служенію православной Церкви въ пастырскомъ санѣ или иномъ видѣ дѣятельности, и кромѣ того ею же предусматривается возможность перемѣны въ выборѣ путей жизни и по окончаніи курса семинаріи, независимо отъ того, въ какомъ разрядѣ окончилъ кто этотъ курсъ. При направленіи окончившихъ курсъ въ училищѣ въ духовную семинарію можетъ и должно быть обращено полное вниманіе на то, чтобы въ семинарію *не* поступали лица, *не* расположенныя къ служенію Церкви: для нихъ открыты другіе пути, болѣе соотвѣтствующіе ихъ наклонностямъ. Въ семинаріи такимъ образомъ представлялась бы чрезъ это возможность установить между учащимися *единомысліе* относительно будущей ихъ дѣятельности. Для возможныхъ же всегда *исключеній* открыть путь выхода на иную дорогу по окончаніи семинарскаго курса. Если первая мѣра давала бы возможность устанавливать достаточное *внутреннее единомысліе* между учащимися, то вторая *примирила бы* тѣхъ, кто, по обстоятельствамъ личной жизни, перемѣнилъ бы прежде имѣвшіяся у него намѣренія. Духовная школа могла бы относиться къ этимъ случаямъ перехода въ свѣтскую школу или избранія другой службы и дѣятельности съ полною доброжелательностію, заботясь лишь о томъ, чтобы питомецъ ея и тамъ, на иномъ пути жизни, былъ распространителемъ началъ и истинъ, въ которыхъ воспитывала его школа.

Единство внутренняго строя школы, составлявшее всегдашнюю ея особенность, въ нашемъ проектѣ удерживается *вполнѣ*, потому что уравненіе съ свѣтскою школою касается низшихъ классовъ ея и состоитъ лишь въ принятіи программъ и количества уроковъ въ соотвѣтствіи съ свѣтскою школою, вмѣсто своеобразнаго курса, ни съ какими учебными заведеніями, безъ всякихъ достаточныхъ къ тому основаній, не согласованнаго. Въ курсѣ же семинарій это единство цѣли образованія прсводится полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ это было не только по уставу 1867 года, но и по уставу 1884 года, въ виду *явившейся возможности* держаться положенія, что въ духовную семинарію *долженъ* поступать *только тотъ*, кто внутренне *сочувствуетъ* цѣли образованія, даваемого въ ней. Правильная мысль устава 1884 года, о томъ, что характеръ церковно-богословской школы долженъ быть распро-

страненъ на весь учебный курсъ семинарій, подлежитъ *не* изъятію изъ него, къ чему теперь склонны многіе, а лишь *исправленію* въ допущенныхъ, при примѣненіи ея, ошибкахъ. Семинарія должна быть *духовною* семинаріею во *всѣхъ своемъ учебномъ стротъ* отъ перваго класса до послѣдняго, хотя, по самому существу дѣла, и естественно и необходимо, что въ младшихъ классахъ будутъ преподаваться преимущественно еще предметы общеобразовательнаго характера. Этотъ порядокъ совершенно нормальный, и нѣтъ нужды прибѣгать, для ослабленія его, какъ сдѣлано это въ уставѣ 1884 года, ни къ искусственному сокращенію общеобразовательнаго курса, ни къ введенію въ курсъ младшихъ классовъ такихъ богословскихъ предметовъ, какъ библейская исторія, ни къ искусственному расширенію времени преподаванія церковной исторіи до курса III класса: общее образованіе, нужное для всякаго человѣка, желающаго быть интеллигентнымъ, не въ меньшей мѣрѣ необходимо и для просвѣщеннаго служителя Церкви, какъ и для богословски-образованнаго человѣка вообще.

Пріемъ стороннихъ лицъ, не обучавшихся въ духовныхъ училищахъ, долженъ былъ бы быть допущенъ въ семинарію безъ экзамена изъ всѣхъ соотвѣтственныхъ классовъ свѣтской общеобразовательной школы, безъ обращенія вниманія на тѣ или другія программныя различія между одною и другою школою, а окончившихъ курсъ въ свѣтской средней школѣ должно было бы безъ экзамена принимать въ предпослѣдній (нынѣ V-й) классъ духовной семинаріи, такъ какъ при нѣкоторыхъ недочетахъ въ курсѣ свѣтской средней школы, если сопоставлять ее съ курсомъ семинарій, имѣются въ немъ и свои преимущественныя достоинства: такъ, окончившій курсъ свѣтской школы ознакомленъ съ краткимъ курсомъ догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи, тогда какъ воспитанникъ соотвѣтственнаго (нынѣ IV-го) класса семинаріи этихъ знаній еще не имѣлъ бы. Въ виду того, что поступленіе въ духовную семинарію будетъ вытекать для окончившихъ курсъ средней школы изъ внутреннихъ влеченій къ богословскому образованію, тѣ или другіе частныя недочеты въ ихъ богословско-философскихъ познаніяхъ восполнялись бы постепенно въ теченіе остальной части учебнаго курса семинаріи. Между тѣмъ эта свобода поступленія въ духовную семинарію для всякаго, кто желалъ бы посвятить себя на служеніе Церкви, привлекала бы въ нее всѣ силы со стороны, какія нашлись бы въ дѣйствительности въ обществѣ.

Вопросъ же объ ограниченіяхъ въ отношеніи къ инословнымъ, возникшій на почвѣ замкнутости духовной школы, въ которую, при этомъ условіи, поступали обычно лишь тѣ, кто не находилъ себѣ мѣста въ другомъ учебномъ заведеніи, потерялъ бы при такомъ строѣ духовной школы всѣ основанія для своего дальнѣйшаго существованія, и духовная школа, не связывающая собою доброй воли у учащихся въ ней, стала бы совершенно открытою для всякаго желающаго войти въ нее, лишь бы только онъ былъ того достоинъ по своей подготовкѣ и своимъ влеченіямъ.

Съ открытіемъ доступа окончившимъ курсъ духовныхъ семинарій въ свѣтскую высшую школу соединенъ вопросъ объ облегченіи доступа для тѣхъ же лицъ въ духовную академію для продолженія образованія. Теперь въ духовныхъ академіяхъ подвергаются экзаменамъ даже тѣ студенты семинаріи, которые рекомендуются туда правленіями семинарій, отправляемые на казенный счетъ. Эти экзамены отнимаютъ охоту ѣхать въ академію иногда у лучшихъ воспитанниковъ, имѣющихъ возможность даже съ меньшими затрудненіями поступать въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, гдѣ повѣрочный экзамень оказывается слабѣе академическаго. „Въ то время, когда университеты принимаютъ безъ экзамена всѣхъ окончившихъ гимназій, а спеціальныя высшія учебныя заведенія уже начинаютъ предпочитать конкуренціи экзаменовъ конкуренцію аттестатовъ,—говоритъ по этому предмету П. В. С. въ статьѣ своей: „Духовная школа и желательная ея реформа“,—духовныя академіи все продолжаютъ подвергать экзамену даже рекомендованныхъ семинаріями, какъ лучшихъ студентовъ, и не только экзаменуютъ, но и по отвѣтамъ ихъ дѣлаютъ заключенія о положеніи преподаванія того или другого предмета въ семинаріяхъ и даютъ соотвѣтствующія указанія“. Но, „гоняясь за показными знаніями отъ поступающихъ въ академію студентовъ, онѣ теряютъ для академіи лучшихъ людей. Самые лучшіе ученики семинаріи стали отказываться отъ поступленія въ академію, отговариваясь трудностію приготовиться къ приемному экзамену; самолюбіе этихъ учениковъ не позволяетъ имъ явиться на экзамень безъ подготовки и отвѣчать какъ-нибудь, а приготовленіе къ экзамену требуетъ времени и большого напряженія силъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно во время послѣднихъ предъ поступленіемъ въ академію капикулъ пройти весь курсъ св. Писанія, начиная съ перваго класса семинаріи, нужно выучить церковную исторію; которую проходили въ

третьемъ классѣ семинаріи, нужно повторить всю догматику и т. д. Обнявъ мыслию все это, лучшіе ученики отказываются идти въ академію, а семинаріи“ на недоувѣріе „къ нимъ академіи въ лицѣ ихъ лучшихъ учениковъ начинаютъ отвѣчать невольнымъ обманомъ: посылаютъ иногда въ академіи не первыхъ учениковъ, а пятыхъ и шестыхъ, лишь бы они заявили желаніе пойти въ академію“ 1).

На обстоятельство это необходимо обратить вниманіе: оканчивающіе курсъ воспитанники семинарій дѣйствительно во многихъ семинаріяхъ отказываются отъ намѣренія принять предложеніе объ отправкѣ въ академію на казенный счетъ изъ-за трудности предстоящихъ въ академіи экзаменовъ, на приготовленіе къ которымъ требуется употребить все время отдыха въ теченіе вакацій по окончаніи курса. И, по существу дѣла, въ этихъ экзаменахъ едва-ли есть надобность: для цѣлей провѣрки рекомендацій правленій семинаріи они едва-ли умѣстны, а для цѣлей повышения черезъ это познаній учащихъ они едва-ли полезны. Поэтому было бы только справедливостью отмѣнить ихъ въ отношеніи къ воспитанникамъ, рекомендуемымъ, по вызову центрального духовно-учебнаго управленія, правленіями духовныхъ семинарій для поступленія въ академію, и воспитанниковъ этихъ слѣдовало бы принимать въ академіяхъ на казенное содержаніе по доувѣрію къ рекомендаціямъ семинарскихъ корпорацій. Конкурсные же экзамены достаточно имѣть для остальной части изъявившихъ желаніе поступить въ академію изъ числа окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, при чемъ къ экзаменамъ этимъ слѣдуетъ допускать не только перворазрядныхъ воспитанниковъ, но и второразрядныхъ, чтобы не закрывать этимъ возможности и второразряднымъ способнымъ воспитанникамъ поступать въ академію: всегда возможны факты случайнаго стеченія обстоятельствъ, по которымъ воспитанникъ опускается, при окончаніи курса, за черту перваго разряда. Конкурсный экзаменъ безобидно рѣшить этотъ вопросъ для всѣхъ ищущихъ высшаго богословскаго образованія.

Правильная постановка воспитательной части въ духовной школѣ вообще и въ семинаріи въ частности составляла бы одно изъ существенно важныхъ условій единства духа и направленія духовной школы, восполняя собою воспитательное вліяніе на учащихъ, заключающееся въ существѣ учебнаго строя школы. Въ училищѣ питомецъ духовной

1) Орловск. Епарх. Вѣдом. 1905 г., № 35, стр. 917—918.

школы подготовлялся бы къ усвоенію мысли и намѣренія о готовности вступить на путь служенія православной Церкви; семинарія же, исходя изъ положенія, что поступленіе въ нее означаетъ уже извѣстную степень предъизбранія свободною волею питомца опредѣленнаго пути жизни, ставила бы цѣлію укрѣпить юношу въ намѣреніи идти по этому пути. Едва ли привели бы къ цѣли воспитательныя крайности примѣненія этого общаго начала внутренней жизни семинаріи, такъ какъ все же должно имѣть въ виду два обстоятельства—молодость воспитываемыхъ и то, что какими-либо обязательствами, ни внутренними, ни внѣшними, они еще не связаны. Но тѣмъ не менѣе духовная семинарія должна остаться въ своей внутренней жизни учебно-воспитательнымъ заведеніемъ, готовящимъ юношество къ служенію православной Церкви. Возможность бѣльшаго единомыслія среди учащихся, сознательно вступившихъ въ это заведеніе, при предоставленной имъ предъ тѣмъ свободѣ идти, куда угодно,—облегчила бы практическое примѣненіе тѣхъ началъ, которыя, въ текстѣ уставовъ и разъясненій къ нимъ, никогда не переставали существовать въ духовной школѣ, но въ дѣйствительности нерѣдко шли мимо практики жизни.

Нельзя пройти при этомъ молчаніемъ отмѣчаемой съ разныхъ сторонъ, какъ недостатокъ, черты духовной школы, что преподавателями въ ней состоятъ обычно свѣтскія лица. „Большинство преподавателей и даже начальства, говорятъ одинъ изъ ректоровъ духовной семинаріи,—а въ нѣкоторыхъ школахъ и всѣ, за исключеніемъ ректора, который по уставу долженъ быть въ духовномъ санѣ, свѣтскіе люди. Это—дѣло очень важное, хотя свѣтскіе педагоги это и стараются замалчивать. Извѣстно, что медиковъ готовятъ медики, инженеровъ—инженеры, военныхъ—военные, а у насъ будущихъ пастырей Церкви готовятъ люди совершенно непричастные къ алтарю Господню“, которые и „въ храмѣ-то не всегда бываютъ“¹⁾. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ этого взгляда есть и крайности. Но едва-ли можно отрицать, что многое въ немъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Если было бы крайностью утверждать, что преподаватели духовной школы, даже хотя въ отношеніи къ богословскимъ предметамъ, должны быть *непрерывно* въ священномъ санѣ, то едва-ли можно было бы возражать противъ *преимущественности* состава именно такого рода

¹⁾ „С.-Петербург. Вѣд. 1905 г. № 63.

преподавателей. Строй православной Церкви, въ которомъ міряне не отчуждаются отъ участія въ общецерковныхъ дѣлахъ, предполагаетъ такое же разрѣшеніе и настоящаго вопроса. Ненормально то, когда въ духовной школѣ, готовящей къ пастырству, „всѣ, за исключеніемъ ректора, свѣтскіе люди“. Но едва-ли приведетъ къ желаемой цѣли и то, если въ этой школѣ всѣ будутъ духовныя лица. Сравненіе съ медиками, которые готовятъ медиковъ, и съ инженерами, которые готовятъ инженеровъ, не соотвѣтствуетъ существу этого дѣла. Не спеціальныя только знанія и технику должна имѣть въ виду сообщать своимъ питомцамъ духовная школа, какъ это слѣдуетъ сказать о медикахъ, инженерахъ, военныхъ и т. п.; главнѣйшее здѣсь то, что должно составлять внутреннюю принадлежность *всякаго* истиннаго христианина, будетъ ли онъ духовное лицо, или мірянинъ, — *всякаго* члена тѣла Церкви Христовой. На этомъ чистомъ основаніи, если оно будетъ положено, безъ особаго затрудненія можетъ быть созидаемо и то, что составляетъ особенность пастырскаго служенія. Думаемъ, что только единеніемъ мірянъ и духовныхъ, съ преимущественнымъ однако положеніемъ послѣднихъ, можетъ быть съ удовлетворительнымъ успѣхомъ осуществляема задача духовной школы.

Но тѣмъ не менѣе въ наличной дѣйствительности нужны нѣкоторыя измѣненія. Такъ напр. нельзя не желать, чтобы преподаватели св. Писанія, богословія и церковно-практическихъ предметовъ, какъ гомилетика, литургики и каноника, были преимущественно изъ лицъ въ *духовномъ санѣ*. Если еще напр. св. Писаніе можетъ быть преподаваемо и свѣтскимъ лицомъ, если это еще примѣнимо отчасти и къ богословію, то можно ли считать нормальнымъ, когда литургику и гомилетику преподаетъ будущимъ пастырямъ лицо, не совершавшее никогда богослуженія и не имѣющее права совершать его? И нормальны ли такіе случаи, въ дѣйствительности существующіе, какъ факты, что преподаватель гомилетики, 20—25 лѣтъ обучающій проповѣдничеству, самъ ни разу въ жизни не говорилъ ни одной проповѣди? И чего, какого воспитательнаго воздѣйствія мы хотимъ въ этомъ случаѣ на учащихся, когда они видятъ и знаютъ, что ихъ учатъ дѣлу, къ которому самъ преподаватель не прикоснулся и пальцемъ? А между тѣмъ проповѣдничество составляетъ существеннѣйшую сторону пастырскаго служенія, при наличномъ положеніи пастырско-проповѣд-

ническаго дѣла являющуюся такимъ же существеннѣйшимъ недостаткомъ въ нашемъ пастырствѣ.

Нѣтъ у насъ недостатка въ указаніяхъ устава о необходимости участія всего преподавательскаго персонала въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся, и въ то же время не легко было бы найти учебное заведеніе, гдѣ это исполняется такъ, какъ предполагается по мысли устава: обычно воспитаніе—дѣло инспекціи и начальства, дѣло же преподавателей—обученіе. И двѣ эти стороны одной общей задачи духовной школы, столь же, по существу дѣла, неразрывныя, какъ умъ и воля въ природѣ души,—обособляются такимъ образомъ одна отъ другой и идутъ каждая своимъ путемъ. Результаты же этого извѣстны.

Будемъ ли винить ту или другую сторону, воспитателей и преподавателей, въ недостаткѣ желанія идти вмѣстѣ къ общей цѣли и по пути помогать другъ другу? Намъ думается, что цѣль устава не достигается на дѣлѣ не по недостатку добрыхъ желаній и намѣреній у тѣхъ, кому приходится проводить это въ жизнь, а по несовершенству организаціи, предусмотрѣнной для этого уставомъ. Фактически ожидать отъ преподавательскихъ корпорацій участія въ дѣлѣ воспитанія можно лишь въ томъ случаѣ, если для проявленій такого участія будетъ дана соотвѣтствующая административная обстановка, указанная уставомъ, а не личнымъ усмотрѣніемъ кого-либо, опредѣленно дающая извѣстнымъ лицамъ права и также опредѣленно возлагающая на нихъ обязанности и соединенную съ ними отвѣтственность. Одна изъ существенныхъ формъ такой необходимой для духовной школы воспитательной организаціи—это установленіе системы отвѣтственного класснаго руководства преподавателями, въ качествѣ классныхъ наставниковъ-воспитателей. Этимъ способомъ мысль устава объ участіи преподавательскихъ корпорацій въ дѣлѣ воспитанія учащихся могла бы быть поставлена на реальную почву и изъ страницъ устава проведена въ жизнь.

Въ связи съ этимъ имѣло бы существенную важность ослабленіе формализма въ отношеніи къ дѣлу воспитанія и предоставленіе большей свободы личному воздѣйствію и усмотрѣнію тѣхъ, кому ввѣрено дѣло воспитанія и руководства по учебному заведенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что и на этомъ пути есть крайности. Но мы имѣемъ въ виду не установленіе полной свободы личнаго усмотрѣнія, которая, при

случаѣ, можеть привести не туда, куда нужно, а такій пересмотръ существующаго порядка, который ослабилъ бы выяснившіяся стороны излишняго формализма и выдвинулъ бы на должное мѣсто воспитательное значеніе личнаго примѣра и личнаго нравственнаго вліянія преподавателей и воспитателей. Возрастъ воспитанниковъ старшихъ классовъ духовной школы и предстоящее имъ пастырство, къ которому они готовятся, тѣмъ болѣе вызываютъ нужду въ перенесеніи центра воспитательной задачи совнѣ внутрь этого дѣла, чтобы въ воспитываемомъ болѣе усиливать чуткость его совѣсти, чѣмъ изощрять его въ изобрѣтеніи средствъ обойти и провести инспекцію.

Нѣтъ сомнѣній, во всемъ этомъ большое значеніе имѣють педагогическая опытность и тактъ лицъ начальствующихъ въ духовной школѣ. И потому вопросъ о томъ, чтобы семинаріи не являлись для начальствующихъ лицъ лишь переходною ступенью къ слѣдующему высшему положенію, — получаетъ первостепенную важность. Учебно-воспитательные интересы заведенія должны быть поставлены здѣсь на первое мѣсто, и на начальническія должности слѣдуетъ назначать лицъ *испытанной педагогической опытности*, пріобрѣтенной *продолжительною службою*, а также съ тѣмъ, чтобы они и оставались въ этихъ должностяхъ *не годъ—два, а продолжительное время*, и, входя въ жизнь учебнаго заведенія, не думали о скорѣйшемъ передвиженіи на другое мѣсто. Нарушеніе этого отражалось бы ничѣмъ вознаградимымъ ущербомъ на внутренней жизни учебнаго заведенія.

Реформа учебной части, съ *устраненіемъ* выяснившихся до сего времени *недостатковъ*, о чемъ мы уже говорили выше, придала бы дѣлу подготовки юношества къ служенію Церкви еще болѣе правильности, а съ внесеніемъ *жизненности* въ постановку преподаванія, какъ общеобразовательныхъ, такъ тѣмъ болѣе богословскихъ предметовъ пробудилось бы и въ учащихъ болѣе любознательности и интереса къ преподаваемымъ имъ предметамъ. Расширеніе библиотекъ и выбора книгъ для воспитанниковъ семинарій и учрежденіе читаленъ при нихъ содѣйствовало бы достиженію той же образовательной цѣли духовной школы, знакомя будущихъ пастырей Церкви съ разносторонними условіями церковно-общественной жизни, среди которыхъ имъ придется впослѣдствіи дѣйствовать. Руководство же классныхъ наставниковъ вводило бы молодую мысль учащихъ въ грани надлежащаго отношенія къ вопросамъ церковно-общественной жизни. И если бы къ этому еще

появился, наконецъ, педагогическій журналъ, который посвященъ былъ бы раскрытію вопросовъ духовной школы какъ съ церковно-богословской и пастырско-воспитательной ея стороны, такъ равно и въ общеобразовательной ея части, то это впесло бы давно необходимое внутреннее оживленіе и обновленіе въ самую преподавательскую среду, содѣйствуя разъясненію разнообразныхъ вопросовъ школы съ точки зрѣнія потребностей Церкви, жизни и педагогической науки.

Нѣтъ сомнѣнія, все это доставить для педагогическихъ корпорацій духовной школы много такого труда, котораго не выпадало на долю ихъ предмѣстниковъ. Но жизнь усложняется и повернуть ее назадъ нельзя: задача же духовной школы, готовящей юношество къ важной церковно-общественной дѣятельности, должна стоять въ уровень съ запросами современной жизни.

Потребовалъ бы пересмотра и вообще уставъ духовной школы, съ совокупностью состоявшихся въ связи съ нимъ разъяснительныхъ распоряженій, чтобы привести его къ согласію съ выяснившимися нуждами духовной школы, и между прочимъ съ обращеніемъ вниманія на установленіе авторитета педагогическихъ корпорацій и мѣстной власти, при возможной мѣрѣ проведенія начала децентрализаціи, особенно въ отношеніи къ вопросамъ частнаго и мѣстнаго характера, что въ свою очередь повело бы къ расширенію сферы самостоятельности начальствъ и правленій учебныхъ заведеній, съ уменьшеніемъ канцелярской работы, и къ увеличенію круга вопросовъ, рѣшаемыхъ окончательно съ утвержденія епархіальной власти.

И вмѣстѣ съ тѣмъ *особенно необходимо*, чтобы на этотъ разъ духовная школа въ своихъ правахъ и преимуществахъ была сравнена съ гражданскою среднею школою, служацій персоналъ которой всегда оказывался въ привилегированномъ положеніи по отношенію къ своимъ соработникамъ по школѣ духовной. Реформа той и другой школы происходитъ теперь одновременно и все то, что будетъ дано корпораціямъ свѣтской школы, должно быть въ той же мѣрѣ распространено и на корпораціи духовной школы. Если напр., какъ проектировалось, „послѣ двадцати лѣтъ службы учителю гимназіи можетъ быть присвоено званіе профессора гимназій и VI классъ должности съ правомъ производства за отличіе въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника“ (§ 42 проекта уст. гимн.),—то это же самое должно быть дано и преподавателю семинаріи. Или если „лица, получившія отъ университе-

товъ ученыя степени магистра и доктора, назначаются прямо старшими учителями и по истеченіи десяти лѣтъ могутъ быть возведены въ званіе профессора гимназій“ (§ 43 проекта уст. гимн.),— то такія же привилегіи должны быть даны магистрамъ и докторамъ богословія въ случаѣ поступленія ихъ на должности преподавателей въ семинаріяхъ. А привилегіи учителей прогимназій, если бы таковыя были признаны по окончательномъ утвержденіи устава средней школы, должны были бы быть распространены и на учителей духовныхъ училищъ.

Оклады содержанія преподавательскаго персонала, начальствующихъ лицъ и инспекціи духовной школы должны быть установлены тѣ же самыя, какіе были бы приняты для соотвѣтствующихъ должностей по гражданской школѣ, съ тѣми же затѣмъ прибавками за пятилѣтія службы и съ тою же пенсіею, какъ въ свѣтской школѣ. Тогда самъ собою разрѣшился бы вопросъ и объ институтѣ классныхъ наставниковъ-воспитателей въ духовной школѣ, такъ какъ и въ свѣтской средней школѣ предполагался подобный же институтъ воспитателей, съ соотвѣтственнымъ за это вознагражденіемъ.

Мы не проектируемъ никакихъ цифръ по штатамъ содержанія. Мы говоримъ только, что духовная школа, всегда бывшая въ привилегіяхъ и средствахъ содержанія позади школы гражданской, на этотъ разъ, при реформѣ, должна быть *уравнена* во всѣхъ отношеніяхъ съ свѣтскою среднею школою. Этого требуетъ *справедливость* въ отношеніи къ ней, такъ какъ она для государства имѣетъ значеніе по крайней мѣрѣ нисколько не меньшее, чѣмъ и свѣтская школа.

Что же касается преподавателей-священниковъ, касательно которыхъ мы говорили выше, то, полагаемъ, было бы въ отношеніи къ нимъ лишь только справедливостью, если бы, независимо отъ одинаковаго ихъ съ свѣтскими преподавателями содержанія, имъ было бы присвоено еще обычное жалованье городского священника, на которое они имѣютъ право по принятому ими на себя сану, хотя бы они и не состояли приходскими священниками гдѣ-либо. Такъ какъ этотъ расходъ могъ бы быть отнесенъ на тотъ источникъ, изъ котораго получается жалованье духовенства, то въ этой части улучшение матеріальнаго положенія части преподавательскаго персонала тѣмъ болѣе могло бы состояться безъ особыхъ затрудненій и замедленій.

Примѣрное расписаніе предметовъ для духовныхъ училищъ и семинарій, съ показаніемъ числа недѣльныхъ уроковъ по нимъ.

ДУХОВНЫЯ УЧИЛИЩА.

Наименованіе предметовъ.	К Л А С С Ы					В С Е Г О	Въ гимназіяхъ:	
	I.	II.	III.	IV.	V.		съ 2 древн. язык.	съ 1 древн. язык.
Законъ Божій	3	3	2	2	2	12	10	10
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ	5	4	4	3	4	20	20	21
Латинскій языкъ	—	—	5	5	5	15	16	15
Греческій »	—	—	—	4	4	8	9	—
Нѣмецкій »	5	4	3	3	2	17	17	18
Французскій языкъ	—	5	3	3	3	14	14	16
Исторія	1	2	2	2	3	10	11	12
Математика	5	4	4	3	3	19	19	19
Географія и природовѣдѣніе	3	2	2	2	1	10	10	14
Рисованіе	1	2	2	—	—	5	6	7
Чистописаніе	1	—	—	—	—	1	2	2
Церковное пѣніе	—	—	1	1	1	3	—	—
Итого	24	26	28	28	28	134	134	134

Примѣчанія: 1) При сближеніи учебнаго курса духовныхъ училищъ съ среднею общеобразовательною школою имѣлся въ виду проектъ устава гимназій, разсматривавшійся въ недавнее время по министерству народнаго просвѣщенія. Такъ какъ вопросъ о реформѣ гимназій окончательно еще не разрѣшенъ, то и настоящее примѣрное расписаніе гѣмъ болѣе имѣетъ цѣлю лишь приблизительно и въ общихъ чертахъ выяснить постановку проектируемой духовной школы.

2) Общее число недѣльныхъ уроковъ—24 въ I классѣ, 26 во II классѣ и по 28 въ III—V классахъ принято въ соотвѣтствіи съ установленнымъ числомъ уроковъ въ гимназіяхъ.

3) Преподаваніе закона Божія и церковнаго пѣнія усилено по сравненію съ постановкою этихъ предметовъ въ свѣтской общеобразовательной школѣ, гдѣ на законъ Божій назначено въ I—V классахъ

по 10 уроковъ въ недѣлю, а для пѣнія совсѣмъ не назначено уроковъ, и его положено преподавать во внѣклассное время. Въ I и II классахъ духовнаго училища пѣніе могло бы преподаваться во внѣклассное время, введеніе чего тѣмъ болѣе удобно, что, съ одной стороны, общее число уроковъ въ этихъ классахъ меньше, чѣмъ въ III—V классахъ, съ другой—большинство учениковъ училищъ живутъ обычно въ общестіяхъ при самыхъ же учебныхъ заведеніяхъ.

4) Въ цѣляхъ усиленія преподаванія закона Божія и церковнаго пѣнія, допущены въ предлагаемомъ расписаніи, по сравненію съ гимназіями, слѣдующія сокращенія: а) по греческому языку — на 1 урокъ, такъ какъ усиленное преподаваніе этого предмета проектируется въ семинаріи, для вопроса же о равенствѣ курсовъ духовной школы съ свѣтскою это не можетъ имѣть значенія, въ виду необязательности этого предмета для многихъ гимназій; б) по исторіи — на 1 урокъ, именно въ первомъ классѣ, гдѣ изученіе исторіи особыхъ успѣховъ давать не можетъ; в) по рисованію — на 1 урокъ, и притомъ въ I классѣ, въ виду условнаго значенія этого предмета вообще въ курсѣ школы, тѣмъ болѣе, что въ I классѣ немного можно было бы успѣть сдѣлать по нему, и г) по чистописанію—на 1 урокъ, въ виду того, что обученіе чистописанію можетъ имѣть для себя достаточную замѣну въ правильной постановкѣ письменныхъ работъ учениковъ. Во всемъ остальномъ расписаніе соотвѣтствуетъ проекту устава гимназій.

5) Древніе языки могли бы преподаваться въ училищахъ однимъ лицомъ (23 урока), равно какъ одинъ преподаватель могъ бы быть для исторіи, географіи и природовѣдѣнія (20 уроковъ).

6) Для желающихъ во внѣклассное время преподается музыка и ручной трудъ и для всѣхъ вводятся физическія упражненія.

ДУХОВНЫЯ СЕМИНАРІИ.

Наименованіе предметовъ.	К Л А С С Ы					
	I.	II.	III.	IV.	V.	ВСЕГО.
Св. Писаніе	5	4	4	4	4	21
Введеніе въ богословіе . .	—	—	3	—	—	3
Догматическое богословіе .	—	—	—	4	2	6
Нравственное богословіе съ пастырскимъ	—	—	—	—	3	3
Литургика	—	—	3	2	—	5
Основанія общаго законовѣ- дѣнія и церковная каноника	—	—	—	1	3	4
Практическая гомилетика .	—	—	—	2	3	5

Наименованіе предметовъ.	К Л А С С Ы					
	I.	II.	III.	IV.	V.	Всѣго.
Церковная исторія:						
всеобщая	—	—	2	5	—	7
русская	—	—	—	—	4	4
Исторія и обличеніе русскаго старообрядчества и сектантства	—	—	—	2	3	5
Гражданская исторія — всеобщая и русская	4	2	—	—	—	6
Теорія и исторія словесности	5	4	—	—	—	9
Психологія и логика	—	5	—	—	—	5
Краткая исторія и начальныя основанія философіи	—	—	4	—	—	4
Дидактика	—	—	—	2	1	3
Практическія занятія въ образцовой школѣ	—	—	—	2	2	4
Математика	4	—	—	—	—	4
Физика и основанія химіи	—	3	2	—	—	5
Космографія съ основаніями геологіи	—	—	2	—	—	2
Греческій языкъ	4	4	2	1	1	12
Латинскій »	2	2	2	—	—	6
Новые языки — французскій или нѣмецкій	2	2	2	—	—	6
Гигіена и начальная медицина	—	—	—	2	1	3
Церковное пѣніе	2	2	2	1	1	8
Итого	28	28	28	28	28	140

Примѣчанія: 1) Число уроковъ, по 28 въ каждомъ классѣ въ недѣлю, принимается въ соотвѣтствіе съ духовными училищами; количество уроковъ, требующихъ отъ воспитанника домашней внѣклассной подготовки, однако не превышаетъ въ каждомъ классѣ 26, такъ какъ церковныя пѣніе и занятія въ школѣ не всегда требуютъ такой внѣурочной работы.

2) Къ церковной каноникѣ, предполагаемой къ преподаванію въ V классѣ, присоединяются въ IV классѣ основанія, вводимыя и въ

свѣтскую среднюю школу, общаго законовѣдѣнія, въ виду практической важности знакомства съ этимъ предметомъ для церковно-общественныхъ дѣятелей, каковыми являются священники.

3) Къ космографіи присоединяется ознакомленіе съ основаніями геологіи, въ виду важности знакомства съ ними для цѣлей богословско-философскаго образованія. Пасхалія можетъ быть включена въ составъ космографіи.

4) Преподаваемая уже и теперь въ пѣкоторыхъ семинаріяхъ, въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, гигиена и начальная медицина предполагаются къ обязательному преподаванію вслѣдствіе практической важности этихъ предметовъ въ жизни и дѣятельности священниковъ.

5) Усиленное преподаваніе догматическаго богословія въ IV классѣ имѣетъ особую важность, такъ какъ скорѣйшее ознакомленіе съ нимъ имѣетъ значеніе для разныхъ богословскихъ предметовъ, изучаемыхъ въ IV—V классахъ. Изученіе же церковной исторіи въ III классѣ, прежде изученія системы догматическаго богословія, предполагается въ объемѣ до исторіи вселенскихъ соборовъ, прохожденіе которой цѣлесообразно только въ связи съ параллельнымъ изученіемъ догматическаго богословія.

6) Преподаватели пѣкоторыхъ предметовъ для семинарій и училищъ (въ губернскихъ городахъ) могли бы быть общіе, именно: а) по древнимъ языкамъ (20 и 21 ур.) и новымъ (20 и 23 ур.), б) гражданской исторіи (16 ур.), в) математикѣ (23 ур.) и г) географіи съ природовѣдѣніемъ и физикѣ съ космографіею (17 ур.). Въ отношеніи же къ богословскимъ предметамъ группировка ихъ по преподаванію можетъ быть сохранена нынѣ существующая. Но относительно исторіи и обличенія старообрядчества и сектантства мы полагаемъ, что было бы возможно соединить ихъ съ преподаваніемъ церковной исторіи, при особо положенныхъ, однако, для нихъ урокахъ. Соединеніе этого предмета съ церковною исторіею не направлено къ ослабленію положенія его въ курсѣ семинарій по сравненію съ существующимъ уставомъ, а вытекаетъ изъ того, что а) для отдѣльной самостоятельной кафедры по этому предмету количество уроковъ было недостаточное и по дѣйствующему уставу (6 ур.), и б) исторія старообрядчества и сектантства составляетъ часть общаго курса русской церковной исторіи и опредѣленную обособленность имѣетъ только полемическая часть этого предмета—обличеніе старообрядчества и сектантства.

7) Для желающихъ кромѣ того преподаются: въ IV и V классахъ (вмѣстѣ)—еврейскій языкъ, новые языки и латинскій языкъ; во всѣхъ классахъ—иконописаніе, музыка, ручной трудъ.

Росписаніе учебныхъ предметовъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ по проекту Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ *).

Д У Х О В Н Ы Я У Ч И Л И Щ А .

Наименованіе предметовъ.	К Л А С С Ы				ИТОГО.
	I.	II.	III.	IV.	
Священная исторія Ветхаго За- вѣта	3	—	—	—	} 12
Священная исторія Новаго За- вѣта	—	3	—	—	
Катихизисъ	—	—	3	—	
Окончаніе катихизиса и церков- ный уставъ	—	—	—	3	
Краткая русская исторія церков- ная и гражданская	—	—	2	2	4
Русскій языкъ съ церковно-сла- вянскимъ	6	4	5	4	19
Греческій языкъ	—	4	4	4	12
Латинскій »	3	3	3	3	12
Ариѳметика	4	3	2	3	12
Географія	—	2	3	3	8
Церковное пѣніе	4	2	1	1	8
Чистописаніе	2	2	—	—	4
И т о г о	22	23	23	23	91

Примѣчаніе. Къ внѣклассному времени относится для желающихъ одинъ изъ новыхъ языковъ—французскій или нѣмецкій съ вознагражденіемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

*) «Церковныя Вѣдомости» 1905 г., № 46, стр. 1952—1953.

ДУХОВНЫЯ СЕМИНАРИИ.

Наименованіе предметовъ.	К Л А С С Ы						ИТОГО.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Священное Писаніе съ библейскою исторіею	3	3	3	4	4	4	21
Введеніе въ богословіе, догматическое и нравственное богословіе съ пастырскимъ	—	—	—	—	7	5	12
Литургика, каноника и практическая гомилетика	—	—	—	—	5	6	11
Всеобщая церковная исторія и исторія русской Церкви	—	—	—	3	5	4	12
Исторія и обличеніе старообрядчества и сектантства	—	—	—	—	—	3	3
Гражданская исторія всеобщая и русская	3	3	3	—	—	—	9
Теорія словесности съ исторіей русской словесности	5	6	—	—	—	—	11
Психологія, логика, краткая исторія и начальныя основанія философіи	—	—	5	5	—	—	10
Дидактика	—	—	—	—	2	1	3
Алгебра, геометрія и тригонометрія	3	3	2	2	—	—	10
Физика съ космографіею и пасхаліею	—	—	4	2	—	—	6
Греческій языкъ	3	3	2	2	—	—	10
Латинскій »	3	3	2	2	—	—	10
Новый языкъ (нѣмецкій или французскій)	3	2	2	3	—	—	10
Церковное пѣніе	1	1	1	1	1	1	6
Практическія занятія по дидактикѣ въ образцовой школѣ	—	—	—	—	2	2	4
И т о г о	24	24	24	24	26	26	148

Примѣчаніе. Ко внѣклассному времени относятся а) для всѣхъ— физическія упражненія, б) для желающихъ: черченіе и рисованіе, народная медицина и гигиена, одинъ изъ древнихъ (въ V и VI классахъ), одинъ изъ новыхъ языковъ (въ V и VI классахъ), еврейскій и иконописаніе.

Сравнительная таблица числа недѣльных уроковъ по учебнымъ предметамъ проектируемой духовной школы.

Наименованіе предметовъ.	По нашему проекту.			По проекту Учебнаго Комитета.		
	Учи- лище.	Се- мина- рія.	ВСЕГО	Учи- лище.	Се- мина- рія.	ВСЕГО.
Закопъ Божій	12	—	12	12	—	12
Св. Писаніе	—	21	21	—	21	21
Введеніе въ богословіе, дог- матическое богословіе и правственное богословіе съ пастырскимъ	—	12	12	—	12	12
Литургика	—	5	5	—	3	3
Основанія общаго законовѣ- дѣнія и церковная капо- ника	—	4	4	—	4	4
Гомилетика	—	5	5	—	4	4
Церковная исторія — всеоб- щая и русская	—	11	11	—	12	12
Исторія и обличеніе русска- го старообрядчества и сектантства	—	5	5	—	3	3
Гражданская исторія всеоб- щая и русская	10	6	16	4	9	13
Русскій языкъ, теорія и исторія словесности	20	9	29	19	11	30
Психологія и логика	—	5	5	—	5	5
Краткая исторія и начальныя основанія философіи	—	4	4	—	5	5
Дидактика	—	3	3	—	3	3
Практическія занятія въ образцовой школѣ	—	4	4	—	4	4
Математика	19	4	23	12	10	22
Физика и основанія химіи . .	—	} 7	} 7	—	} 6	} 6
Космографія съ пасхаліею и основанія геологіи	—					
Географія и природовѣдѣніе .	10	—	10	8	—	8
Греческій языкъ	8	12	20	12	10	22
Латинскій »	15	6	21	12	10	22
Новые языки: нѣмецкій . . .	17	} 6	37 } 23 20	необяз- ательно	} 10	} 10
французскій	14					
Гигіена и начальная ме- дицина	—	3	3	—	необяз	—
Церковное пѣніе	3	8	11	8	6	14
Рисованіе	5	—	5	—	необяз.	—
Чистописаніе	1	—	1	4	—	4
Итого	134	140	274	91	148	239

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предварительныя замѣчанія	1
Недостатки духовной школы	1
Проекты реформы духовной школы	14
Заключительные выводы	49
